

Содержание

От Издательства

7

АВТОБИОГРАФИЯ ТИМУРА. БОГАТЫРСКИЕ СКАЗАНИЯ О ЧИНГИСХАНЕ И АКСАК-ТЕМИРЕ

Предисловие переводчика
18

Автобиография Тимура
47

Хронология «автобиографии» Тимура
196

Символика сновидений Тимура
199

Сказание о Чингисхане
202

Сказание об Аксак-Темире
(Хромце Железном)
232

УЛОЖЕНИЕ ТИМУРА

Правила
256

Постановления
269

ПРИЛОЖЕНИЯ

Руи Гонсалес де Клавихо.

Жизнь и действия

великого Тамерлана
352

И. Шильтбергер.

О Тамерлане.

Из «Путешествия по Европе,
Азии и Африке
с 1394 года по 1427 год»
409

Л. Лянглэ.

Жизнь Тимура
418

Т. И. Грановский.
Тимур
445

М. Иванин.

Состояние военного искусства
у среднеазиатских народов
при Тамерлане
455

В. В. Бартольд.

Царствование Тимура
509

В. В. Бартольд.

О погребении Тимура
529

От Издательства

Историки любят Тамерлана. Конечно, отношение к нему бывает самым разным — от восторга и даже преклонения до причисления к «наместникам дьявола на земле». Но как бы к нему ни относиться, писать о нем можно бесконечно, рассматривая его завоевания с разных сторон, исследуя различные его «ипостаси». А все потому, что Тимур не просто велик — он многогранен и противоречив.

Можно поговорить о личности Тимура. Его происхождение, вся жизнь и даже тайна его могилы — неисчерпаемый кладезь для всех, от серьезных исследователей до поклонников альтернативной истории и любителей фэнтези. Взять хотя бы предсказание: «Если прах Тамерлана будет потревожен, начнется великая и страшная война». Могила Тимура в Самарканде была вскрыта то ли 19, то ли 21 июня 1941 года. А 22-го, как известно, началась война. Советским людям положено было быть материалистами, однако многие верили в то, что такое совпадение не случайно...

Другая тема — жестокость Тамерлана. История сурова и даже цинична — этот факт отрицать бессмысленно. Башни из голов поверженных врагов, дороги из живых людей, курганы из побежденных воинов — все эти ужасы в той или иной степени правда, хотя что-то, несомненно, додумано и «усилено» историками, а что-то, возможно, результат «черного самопиара» самого правителя Самарканда: страшные подробности наводили ужас и деморализовали противника еще до того, как на горизонте поднималась пыль от копыт войска непобедимого Тимура.

А при желании можно порассуждать и о милосердии Железного Хромца и его созидательности. Он бывал воистину милосердным, прощал, когда, казалось бы, о прощении не могло быть и речи. Он не только разрушал и сжигал целые города, но и возводил новые, приглашал в любимый

им Самарканда лучших строителей и ремесленников. Как считают некоторые, Тимур был безграмотен, но любил изящную словесность и в беседах с прославленными учеными поражал их своими знаниями.

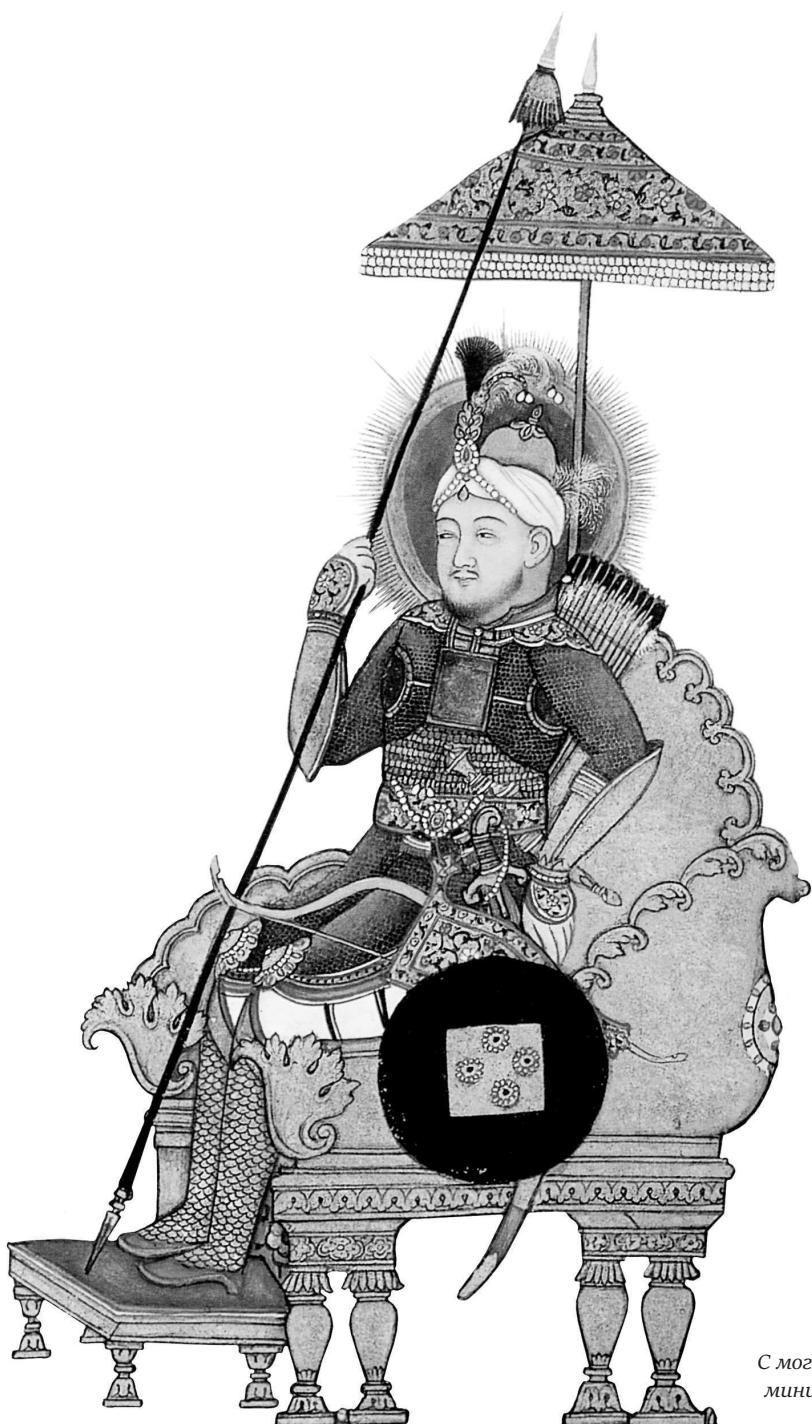
Но самое главное: Тамерлан не только сумел собрать под своей рукой огромную империю, но и удержать ее и передать потомкам. «Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам – великим повелителям мира» – то, что знаменитые «Уложения Тамерлана» начинаются этими словами, тому явное и яркое подтверждение. Однако зададим себе вопрос: был бы Тимур-правитель интересен историкам и грядущим поколениям, не стань он завоевателем? Вряд ли. Скорее всего, его имя затерялось бы в веках, а его Мавераннахр очень скоро стал бы добычей соседей. Так что Тамерлан – прежде всего полководец, и один из величайших в истории. А значит, стоит подробно остановиться на том, что представляла собой не знавшая поражений армия Тимура и как эта армия одерживала победы, буквально складывая к ногам своего повелителя города, народы и государства.

* * *

Апрель 1370 года. На курултай собрались военачальники, провозглагавшие Тимура «великим эмиром». Так он стал единоличным правителем государства Мавераннахр (оно располагалось на территории, включавшей большую часть современного Узбекистана, запад Таджикистана и Киргызстана, восток Туркменистана и южные регионы Казахстана) со столицей в Самарканде. Как и раньше, ханский трон сохранялся за представителями династии Чингизидов, однако ни хан Суюргатмыш (правивший в 1370–1388), ни его сын Махмуд (1388–1402) какой-либо реальной властью не обладали.

Став великим эмиром, Тамерлан, опираясь на кочевую знать и мусульманское духовенство, приступил к завоеванию всей Средней Азии. Сказать, что он «уделял огромное внимание» армии – ничего не сказать. Ему нужно было создать самую боеспособную, самую мощную боевую силу, объединив людей разных национальностей и разных вероисповеданий.

Армия Тамерлана строилась на принципах десятичной системы, заимствованной, по сути, у Чингисхана. Однако имела она и свои отличия. Кроме десятков, сотен, тысяч (хазаров) и десятков тысяч (тумэнов) появились *кулы* – подразделения с непостоянной численностью от 50 до 1000 человек. Вспомогательные отряды, выставлявшиеся союзниками и вассалами, назывались *хашарами* (от перс. «совместный труд»). Вся армия (орда) подразделялась на *фауджи* – корпуса. Обычно пять–шесть



Тимур.

С могольской
миниатюры
XVIII в.

корпусов составляли ударную силу Тамерлана, а один-два находились в резерве и были готовы вступить в бой по его приказу.

Командная иерархия в армии Тимура не была строго определенной и зависела от конкретного подразделения. Некоторые старшие командиры именовались *сардарами*, другие — *эмарами*. Командир тысячи назывался *минг-баши*, сотни — *юз-баши*, десятка — *он-баши*. Эти должности были выборными и утверждались вышестоящими начальниками. Простой солдат достаточно легко мог выслужиться до десятника и даже сотника, однако, чтобы стать *минг-баши*, нужно было проявить исключительные дарования или особо отличиться; тысячниками же обычно назначались главы племен или их дети. Самые высшие командные посты занимали родственники и ближайшие соратники Тамерлана.

Как и во времена Чингисхана, основу армии составляла конница. Но роль пехоты у Тамерлана была значительно выше, чем у монголов. Легкие отряды пехоты были незаменимы при осаде крепостей, тяжеловооруженные пехотные части — при обороне. В армии Тамерлана также существовали «инженерные» войска — части, которые занимались строительством мостов, метанием «греческого огня», осадными работами. Кроме того, были сформированы особые подразделения для действия в горах.

Лошадей и выночных животных, потребность в которых резко возрасла во время походов, конфисковывали у населения, но кроме того, некоторым представителям знати вменялось в обязанность разведение лошадей. Активно Тамерлан использовал и боевых слонов, которые сыграли особую роль в ближневосточных кампаниях. «Экипаж» слона состоял из четырех-шести человек, сидевших в башенке на его спине, плюс погонщик. Животным спиливали бивни и к обрубкам крепили железные штыри. Перед тем как отправиться в бой, слоны проходили «курс подготовки» — их учили держать строй в наступлении и делать поражающие противника движения бивнями.

Для того чтобы армия бесперебойно пополнялась, Тимур создал систему ленных наделов — *сюргалов*. Хозяин *сюргала*, обычно один из племенных вождей, получал земельный участок с крестьянами. Он был полновластным хозяином этой земли, но, во-первых, не имел права передавать ее по наследству и, во-вторых, когда начиналась война, обязан был прибыть в армию с отрядом воинов определенной численности. Солдатам регулярно платили жалованье, ветеранам — пенсии, существовала система наказаний и поощрений.

Считается, что Тамерлан не любил телесных наказаний. «Эмир, власть которого слабее кнута и палки, недостоин сана, им занимаемого», — говорил он. Впрочем, за ослушание, трусость, нарушение военной дисциплины,

особенно во время похода, в армии Тамерлана использовались законы «Великой Ясы» Чингисхана, согласно которым эти проступки карались ударами палок по спине и животу; кроме того, трусов наряжали в женское платье, румянили и в таком виде водили, привязав к хвосту осла.

Основным вооружением пехоты и легкой конницы был лук, использовались также сабли, мечи, топоры, копья, кинжалы. Походный набор составляли пила, шило, иглы, веревки, десять наконечников для стрел, кожаный мешок для воды. Защитой для простого воина служили кожаный тулуп и обшитый кожей щит, тяжеловооруженные воины облачались в панцири и шлемы, использовали наколенники и наручи.

Неотъемлемой частью организации армии Тамерлана были смотры и парады — нередко невероятно роскошные и грандиозные. Их целью была проверка дисциплины и вооружения войска, а также, если они проходили на завоеванной территории, запугивание противника. Хроники сохранили рассказ о смотре, предпринятом в 1391 году перед походом на Золотую Орду. Каждый отряд выстроился под *тугом* — своего рода штандартом. Тимур явился перед строем в золотой короне с рубинами. Смотр, продолжавшийся два дня, завершился боем всех боевых барабанов и всеобщим кличем «Сурун!» — «В атаку!».

Естественно, в походе важна не красота, а соблюдение походного порядка и боевая дисциплина. И с этим в армии Тимура было все в порядке. Впереди колонны, отправлявшейся в поход, шел авангард из нескольких тумэнов. Далее следовал сам Тамерлан в сопровождении отряда телохранителей, за ним двигалась конница, пехота и обоз, в котором находились походный двор Тимура, казна, арсенал, запасы одежды. Обоз охранялся многочисленным конным отрядом.

Походный лагерь был строго организован, палатки воинов и их семей устанавливались так, что образовывали прямые улицы. Это был, по сути, передвижной город, его сопровождали многочисленные повара, кузнецы, медники и шорники, мясники, повара, хлебопеки, торговцы фруктами и овощами.

Как писал персидский историк XV в. Шараф ад-дин Али Язди*, «у Тамерлана движения производились с большою правильностью. Передвойной его с Баязидом в войсках, приведенных из Самарканда, каждый

* Шараф ад-дин Али Язди (ум. 1454) — персидский историк и поэт эпохи Тимуридов, придворный правителя области Фарс сына Тамерлана Шахруха и внука Тамерлана, Ибрагим-Султана. В 1419–1425 гг. создал «Зафар-наме» («Книгу Побед»), которая была основана на одноименной хронике Низама ад-Дина Абд ал-Васи Шами и других исторических трудах, а также рассказах очевидцев. «Зафар-наме» — самый полный источник сведений по истории Тимура, хотя в нем личность Тимура идеализирована.

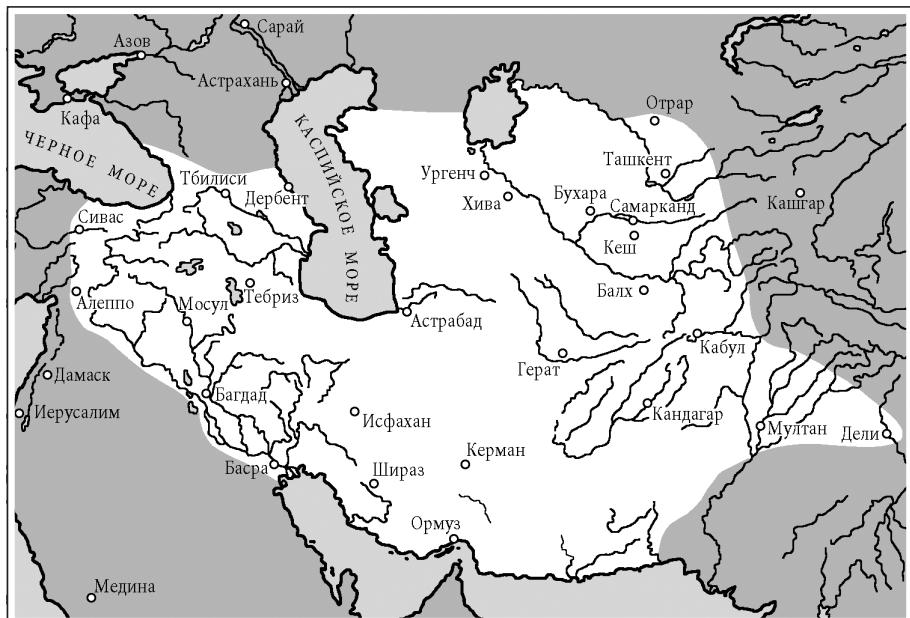
отряд имел одежду особого цвета: у тех, например, которые имели знамя красного цвета, были такого же цвета латы, седла, чепраки, колчаны, пояса, копья, щиты, палицы и проч.; таким образом, были отряды, одетые в платье желтого цвета, белого и так далее. Притом отряды разделялись по оружию, одни были вооружены латами, другие кольчугами и проч. Вероятно, конные отряды отличались тоже по мастиям лошадей». Это позволяет некоторым историкам сделать заключение, что армия Тамерлана была первой в истории, использовавшей (пусть даже и в зачаточном виде) униформу.

* * *

Перед тем как вторгнуться в тот или иной регион, Тамерлан с помощью многочисленных и щедро оплачиваемых шпионов тщательно изучал ситуацию. Естественно, что особое внимание уделялось изучению стратегии и тактики действий армии противника. И нередко такой подход становился залогом победы. Например, Тамерлан не позволил Тохтамышу использовать традиционную монгольскую тактику и заманить себя в степь — и в итоге одержал победу.

Обычно перед битвой Тимур разделял свою армию на три большие линии, в каждой из которых, в свою очередь, имелось по три эшелона. Передняя линия, незначительная по численности и слабейшая из всех, представляла собой приманку. Чаще всего противник пробивал ее, и тогда в бой бросалось подкрепление — сперва с обоих крыльев из средней линии, затем — с флангов, и, наконец, в самый решительный момент в битву вступал резерв, которым Тамерлан командовал лично. Такие последовательные нападения ослабляли и изматывали противника, кроме того, всегда сохранялась возможность окружить его даже в случае прорыва нескольких линий.

«Все пространство населенной части Мира,— сказал однажды Тамерлан,— не стоит того, чтобы иметь двух царей». Покорение мира он начал с Хорезма, а в 1380 г. приступил к завоеванию Персии. Однако в 1387 г. Тимур вынужден был прервать поход и вернуться — на Хорезм напал хан Золотой Орды Тохтамыш, заключивший союз с частью хорезмийцев. Несколько следующих лет Тамерлан посвятил борьбе с Тохтамышем. В 1391 г. он совершил поход на золотордынские владения в Поволжье. В ответ на вторжение Тохтамыша в Закавказье, Тимур вторгся в Восточную Европу. В апреле 1395 г. две огромные армии встретились на реке Тerek. Битва, произошедшая 15 апреля, стала решающей. В том числе, пусть и опосредованно, и для Московского государства.

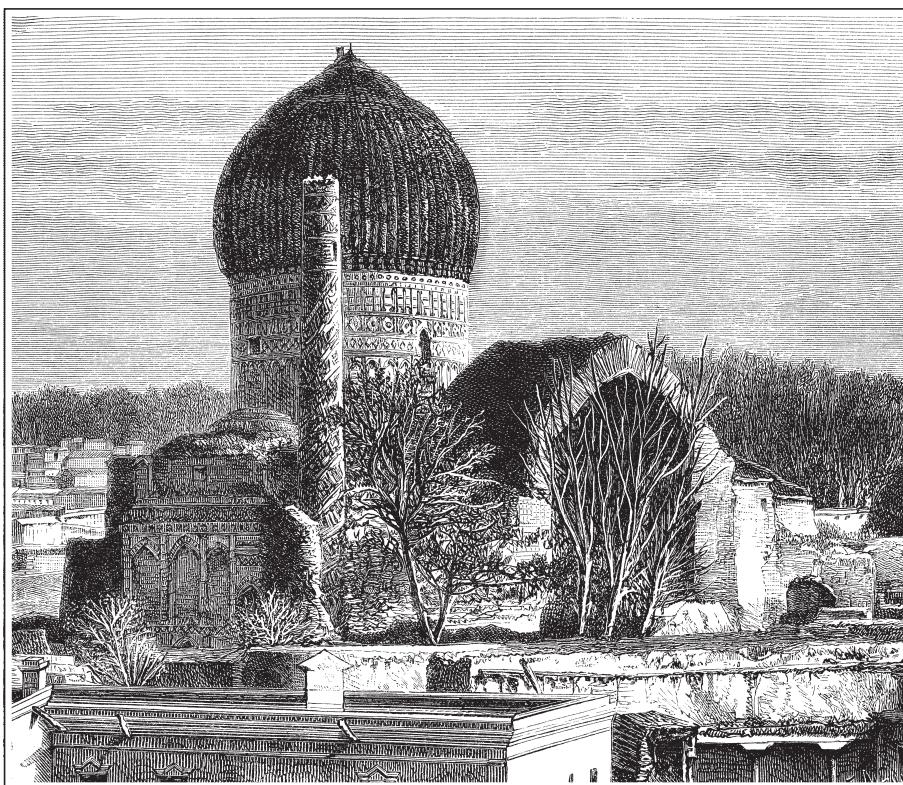


**Государство
Тамерлана
в период его
расцвета**

Далеко не все в той битве шло по сценарию Тимура. Однако — и в этом еще одна грань его полководческого таланта — он умел менять планы по ходу сражения, подстраиваясь под ситуацию. В начале битвы золотоордынцы нанесли сильный удар правым флангом, и Тамерлану пришлось спасать положение, бросая в бой 27 кошунов резерва, которыми он командовал лично. Ордынцы отступили, но сумели быстро перегруппироваться, собрать разрозненные силы и нанести мощный контрудар. А на правом фланге им удалось окружить конников под командованием Хаджи Сейф-ад-дина, которым с большим трудом удавалось отбиваться от превосходящих сил противника.

Положение было угрожающим, однако в целом Тимур все-таки контролировал ситуацию. В нужный момент введя резервы, он сумел опрокинуть армию Тохтамыша и обратить ее в беспорядочное бегство. Тохтамышу пришлось бросить в своей ставке огромные богатства, доставшиеся противнику.

Битва на Тerekе стала для Золотой Орды катастрофой, началом ее распада на несколько ханств и, чуть позднее, позволила московским князьям проводить гораздо более



**Гур-Амир —
мавзолей
Тамерлана
в Самарканде.**

Гравюра XIX в.

Строительство мавзолея Гур-Амир (в переводе с персидского — «Гробница вождя»), было начато в 1403 г., после скоропостижной кончины Мухаммад Султана — прямого наследника Тамерлана и его любимого внука. Завершилось строительство при другом внуке Тимура — Улугбеке, султане Мавераннахра в 1409—1449 гг., знаменитом астрономе и астрологе.

самостоятельную политику по отношению к золотоордынцам.

Однако на тот момент судьба Московского государства оказалась в руках Тамерлана. Спешно отступавшего Тохтамыша догнать не удалось, и в Орду отправился отряд узбекской конницы. Часть войск Тамерлан отправил в Самарканд и Хорезм, сам же повернулся на Русь. Разорил Рязанскую землю, разрушил Елец, но... совсем немного не дойдя до Москвы, повернулся назад. Почему Железный Хромец так поступил, до сих пор остается загадкой.

Как гласят церковные летописи, когда осенью 1395 г. в Москве узнали о приближении полчищ Тамерлана, великий князь Василий Дмитриевич повелел перенести в столицу из Владимира икону Божией Матери, которая, по преданию, была написана евангелистом Лукой. 8 сентября (н. ст.) икону привезли в Белокаменную. И в этот же день Тимуру во сне явилась грозная Богоматерь в окружении огненных воинов, приказавшая «Владыке мира» отвести свои войска от Москвы. В тот самый день, когда москвичи встречали образ Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, армия Тимура покинула русские земли и повернула к устьям Дона.

Более прагматичная версия объясняет решение Тамерлана тем, что он просто не захотел вести до предела измотанную и разделенную на части армию в земли, малоинтересные с точки зрения добычи. Кроме того, Тимур якобы и не планировал поход на Русь, а главной его задачей на тот момент был полный разгром Тохтамыша.

В 1398 г. Тимур совершил поход в Индию. Покорив по пути горцев Кафиристана — региона на границе современных Афганистана и Пакистана, он разгромил войско индийского султана недалеко от Дели и без сопротивления вступил в город. Дели был разграблен. (Как утверждают некоторые источники, это было сделано без ведома Тимура и вызвало его гнев). В 1399 г., взяв богатую добычу, армия Аксак-Темира вернулась в Самарканд.

Тимур методично шел к своей цели — громил своих противников, чтобы стать полновластным и единоличным повелителем мусульманского мира. Но у него был соперник: очень амбициозный претендент на «мировое господство» — султан Османской империи Баязид I, прозванный Молниеносным за стремительность, с которой перемещались его войска. Он давно уже набирал силу, захватывая все новые и новые земли.

Неизбежное — столкновение интересов Тамерлана и Баязида — случилось в самом конце XIV в. при «посредничестве» Кара Юсуфа — предводителя государства Кара-Коюнлу, объединявшего племена, обитавшие на территории современных Армении, Азербайджана, Восточной Турции, северо-западного Ирана и Ирака. После поражения от Тамерлана, Кара Юсуф бежал в Турцию и заключил союз с Баязидал. Тимур потребовал от османского правителя выдать Кара Юсуфа, однако тот отказал, причем, по мнению Железного Хромца, в оскорбительной форме. Повод для начала войны нашелся.

Поход в Малую Азию Тимур начал в мае 1402 г. Он занял османские крепости Кемак и Сивас, после чего к нему прибыли послы от Баязида. Однако предложение о переговорах Тамерлан отклонил и на глазах послов

устроил смотр своей армии, численность которой составляла 140–150 тысяч человек.

Баязид, который располагал на тот момент вдвое меньшими силами, понимал, что в открытом сражении у него нет шансов. И потому расположил свои войска в горной лесистой местности севернее Ангоры (ныне – Анкара). Но Тимуру, осадившему Ангору, хитрыми маневрами все-таки удалось выманить Баязида на открытую местность.

Султан, увидев, что битвы не избежать, построил свои войска тылом к горам, усилив центр и ослабив фланги. Тимур же, по обыкновению, сосредоточил главные силы на флангах. Конница Тамерлана атаковала левый фланг османского войска, однако сербские воины, составлявшие его, держались очень стойко, даже после того, как Тимур бросил в бой все силы своего правого крыла. Неизвестно, как бы закончилась битва, если бы и правый фланг османского войска действовал столь же самоотверженно. Но там стояли отряды анатолийских беев и татар-наемников, которые дрогнули и перешли на сторону противника при первом же ударе конницы (по некоторым данным, командиры этих отрядов были подкуплены посланниками Тимура). После этого исход сражения был предрешен. Турецкая армия была окружена, а султан Баязид взят в плен.

Как и битва на Тереке, сражение при Ангоре имело важнейшие геополитические последствия. Тамерлан снова помог государству, которое подвергалось нападениям со стороны более сильного противника,— на этот раз Византии (правда, «отсрочка» оказалась недолгой — всего полвека; кроме того, существует и обратная точка зрения — тюркизация региона привела к изоляции Константинополя). Вздохнули с облегчением и в Европе, причем монархи Англии, Франции и Кастилии даже поздравили Тамерлана с победой.

Еще в конце XIV в. Тимур начал подготовку к походу на Китай. Летом 1404 г. он вернулся в Самарканд и через несколько месяцев, собрав армию, двинулся на Поднебесную империю. Однако из-за холодной зимы поход пришлось остановить, а 18 февраля 1405 г., в городе Отрап (ныне юг Казахстана) «Владыка мира» скончался. Китай был сильным противником, возможно, самым сильным из тех, с кем довелось бы столкнуться армии Тамерлана. И вполне возможно, как считают некоторые, что Тимур потерпел бы первое поражение. Но, как бы странно и даже абсурдно это ни звучало: судьба снова благоволила ему и он ушел в иной мир непобежденным...

Автобиография Тимура

Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире

Предисловие переводчика

Автобиография Тимура

Хронология «автобиографии» Тимура

Символика сновидений Тимура

Сказание о Чингисхане

Сказание об Аксак-Темире
(Хромце Железном)

Предисловие переводчика

*Посвящается светлой памяти
В. В. Бартольда*

I. Основные предпосылки средневековья Востока

1

Современного читателя больше всего, вероятно, поразит необычайный, но очень ярко выраженный стиль эпохи, к которой относятся «Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире» и «Автобиография Тимура».

С первых же страниц попадаешь в благоухающий сказочный мир, который как-то незаметно, полутонами и причудливыми нюансами, переплетается с серым миром обыденной жизни. И в «Автобиографии», и в «Сказаниях» царит какое-то неуловимое сочетание реального и фантастического; легкое веяние мечты и гири самой прозаической реальности то и дело сменяются на весах рассказа, только в «Сказаниях» фантастика вставлена в оправу реальности, а в «Автобиографии», наоборот, реальность выступает в окружении сверхъестественного.

Говоря общо, перед нами – блестящий стиль средневековья (как он удивительно сходен и на Востоке и на Западе!): *симвоз мистики, вернее, магии с феодально-племенным укладом жизни.*

Война здесь – основная стихия жизни; на наших глазах, как в калейдоскопе, мелькают в самых разнообразных комбинациях крупные и мелкие амиры, точная копия феодальных сеньоров Запада, окруженные богадурами-рыцарями; амиры то и дело вступают между собой в союзы, изменяют друг другу, составляют заговоры, хитрят и непрерывно воюют, берут крепости, сражаются...

На кого пали стрелы судьбы, тот нередко из амира, крупного феодала, превращается в атамана шайки бро-

дяг-разбойников, скитается по степям, грабит проходящие торговые караваны, а то просто ворует стада своих же подвластных людей. Но ему может снова улыбнуться счастье: громкие подвиги, богатая добыча привлекают много сторонников, шайка разбойников растет, и атаман снова превращается в амира. Между амиром и атаманом, между регулярной армией и шайкой удальцов-разбойников — различие только количественное, а не качественное.

В редкие минуты, когда почему-либо нет войны, амиры забавляются охотой, устраивают пиршества и праздники и очень редко занимаются своим хозяйством: конями, верблюдами, баранами и рабами.

На принудительном, рабском труде зиждется блестящая военная стихия амиров; где-то внизу, очень далеко, под горизонтом наблюдателя, двигаются и работают хозяйствственные пружины жизни; их не различишь и не заметишь за сверкающей военной сутолокой; создается невольное впечатление, будто эта сутолока — нечто самодовлеющее, являющееся не только фасадом, но и фундаментом всей тогдашней жизни.

Конечно, авторы наших произведений очень хорошо знали незаметную, как бы мнимую для них сторону своей жизни, но стоило ли обитателям «верхних этажей» говорить про обыденное и потому скучное среди блеска и шума слишком заметного, говорить про грязь и убожество подвалов? Своеобразная периферийность наблюдателя и читателя той эпохи, конечно, обусловлена своеобразной познавательной призмой наших авторов. Пословицу «Не все то золото, что блестит» усвоили лишь последующие поколения наблюдателей.

Другая стихия жизни — постоянное передвижение населения. Если бы мы могли взглянуть с высоты полета аэроплана или дирижабля на тогдашнюю Монголию, на области Джете (теперьшний Восточный Туркестан, Джунгария и Семиречье) и Мавераннахр (область между Сырдарьей и Амударьей), на Персию, Афганистан, Ирак, Малую Азию, Сирию, мы увидали бы непрерывно движущиеся взад и вперед человеческие точки в больших или меньших количествах: то передвигаются амиры с богадурами и воинами, то — рабы с косяками коней, с верблюдами и овцами, то среди бушующих волн войны движется купеческий караван; все течет и меняется, кочует, идет походом или бежит от врага; *хозяйство движется так же, как и война*; кибитка, юрта, лагерный стан равнозначны городам и укрепленным рвом, валами и стенами крепостным пунктам.

Итак, кочевое рабовладельческое хозяйство, пытающее войну и пытающееся войной, одетое в блестящую военную оболочку, — главный тонус той эпохи.



Средневековые иранские воины в бою.

Персидская миниатюра XV в.

2

Война порождала героев, людей, выдававшихся своими физическими качествами — в условиях поединков или рукопашных боев той эпохи — или хитростью, цепкими, изворотливыми, эластичными качествами воина-дипломата, как сказали бы мы сейчас; на верхних этажах жизни вырабатывались индивидуальности; каждый амир — молодец на свой образец, личность с очень определенными и характерными чертами, с чеканным именем; за ним тянутся богадуры, фигуры менее яркие, и остальные сородичи — большая серая масса, только оттеняющая в глазах писателя и читателя той эпохи личность вождя. Общество той эпохи похоже на остроконечный конус с ярко выдающимся шпилем и обширным основанием, составленным из родовых и племенных групп; эти группы — основные клетки и хозяйственного и военного уклада той жизни.

Но наши «Богатырские сказания» и «Автобиография» дают нечто большее, именно феодальное общество в процессе объединения и экспансии, они рисуют яркие образы «джехангиров» — покорителей и владык мира. Джехангирь ведут за собой десятки и сотни тысяч вооруженных людей в разные концы мира, на далекие тысячетверстные пространства и опустошительным смерчем сносят все на своем пути; Мать Сыра Земля дрожит от несметных полчищ, самые прочные крепостные стены рушатся при появлении необозримых войск человека, который находится под особым покровительством судьбы, родился и живет, как говорили тогда, под счастливой звездой.

Каковы судьбы джехангиров, как возможна такая необъятная власть, зачем нужны миру такие владыки? Такова воля какого-то высшего «мира тайн»... Вот тут-то мы и соприкасаемся со второй главной особенностью эпохи, диалектически сопряженной с первой,— мистикой и магией.

3

Для людей той эпохи движущие силы человеческой жизни и человеческой истории скрыты не здесь, на земле, в очень реальных, подчас очень низменных сторонах человеческой природы, а в каком-то ином мире, который тем не менее тесно соприкасается, а то и сплошь переплетается с нашим, земным. Между двумя мирами не существует непроходимых граней; наоборот, миры высший и низший, земной, образуют очень цельный и прочный комплекс, и при этом образуют его так, что наш мир является очень отдаленной периферией и смутной эманацией другого...

Суровые и жестокие воины, амиры и богадуры, покорно подчиняются воле своих прозорливых духовных наставников — шейхов, кутбов и пиров, непрерывно обращаются к ним за советами и гаданиями в трудные минуты жизни и без их разрешения не начинают сколько-нибудь трудного пред-

приятия, мало-мальски сложного дела. Шейхи и пирсы, по представлениям людей той эпохи, входящие в «мир тайн», хорошо знают пути высшего мира и потому смело могут руководить людьми, которые знают одни только смутные дороги этого мира: ведь эта дорога — лишь слабая и бледная тень путей иного мира, и непременно должен заблудиться тот, кто без руководства тайновидцев осмелится один ходить по тропкам земли.

Кроме провиденциальных людей, шейхов и пиров, из «мира тайн» являются и другие посланники: вещие сны, неведомо откуда раздающиеся голоса, прорицания Корана — священной книги, прочитанной самим Аллахом своему последнему и самому главному посланнику на земле, Мухаммеду, наконец, своеобразная, загадочная конфигурация небесных светил.

Вещие сны открывают неизвестное, полное загадок будущее: они — светочки на путях иного мира для здешних темных людей. Бродишь по мрачным пустыням или роскошным, полным благоухания садам, видишь ужасных духов, странных животных и птиц, слышишь удивительные звуки и получаешь самое точное знание о будущем, словно перелетаешь на крыльях сна, как на машине времени, по неведомым далам той жизни, которая еще не наступила, но непременно наступит после той, какая идет сейчас; сны прилетают невесть откуда, но как раз в самую нужную минуту к особым, отмеченным перстом Аллаха людям, чтобы раскрыть судьбу незрячим глазам.

Такой же силой обладают и голоса из «мира тайн», вещающие в самых запутанных казусах жизни, какой дороги нужно держаться джехангиру. Оттого-то он и джехангир, что только ему одному послан дар слышать эти голоса, и потому-то он всегда поступает удачно и верно, захватывает первые, самые лучшие места на арене жизни, далеко впереди серой, ничего не слышащей массы средних людей.

А когда не снятся сны и не слышно голосов, а нужно непременно знать, как идти по запутанным, извилистым линиям, как выбраться из лабиринта непонятной жизненной обстановки, тогда берут священную книгу и открывают место как будто наудачу, а на самом деле руководствуясь тайным голосом судьбы: открывющееся место из Корана непременно укажет верный путь из лабиринта.

А то наблюдают расположение и движение небесных светил и по звездной книге читают самые запутанные чертежи в книге земной жизни. Та или иная комбинация звезд дает в качестве своих неизбежных следствий те или иные ряды будущих событий.

4

Окруженный магическим орнаментом, джехангир, главный герой наших «Сказаний» и «Автобиографии», занимает свое особенное место

в стиле эпохи. Он — дверь, через которую проходят гости иного мира, он — маг, который насаждает на земле волю судьбы, он — видимый руководитель человеческой жизни и человеческой истории, он — живое воплощение самых высоких нравственных качеств, он — идеальный воин и военачальник, дипломат и хитрец, хозяин и администратор, первый служитель Аллаха, привратник и ключарь его царства, он — объединитель мелких, разрозненных феодально-племенных кусков жизни в великую мировую «империю», он — представитель великой семьи джехангиров, которые таинственно сменяют друг друга на протяжении всей человеческой истории, не дают людям замкнуться в тесноте своего муравейника, выводят их на широкую мировую арену. В глазах писателей и читателей той эпохи джехангир как бы прерывает обычный, нормальный ход жизни с тем, чтобы возвести ее на неизмеримо высшую ступень развития. Сама эпоха в целом в «Богатырских сказаниях» и в «Автобиографии» взята в особом аспекте какого-то приспособления к небывалым, чрезвычайным задачам жизни мира!

5

Читатель наших дней привык начинать с хозяйственной структуры жизни и от нее как бы подниматься к социальным отношениям, политическому укладу и к идеологии; писатели тех дней нисходили от джехангира к амирам, богадурам и совсем уже под горизонтом жизни и наблюдения — к рабам, *instrumentis vocalibus* хозяйственного фундамента истории. Вот эту предпосылку «перевернутого мировоззрения» нужно всегда иметь в виду при оценке «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)» и «Автобиографии Тимура» как исторического источника. Не мешает, однако, помнить, что в «Богатырских сказаниях» былинно-сказочные эпические волны заливают почти сплошь реальное ядро, между тем как в «Автобиографии» — на первом месте очень жизненные мотивы феодального, военно-магического уклада.

II. Исторический облик Чингисхана и Тимура

Каков исторический облик, реальная канва жизни и деятельности двух главных персонажей наших произведений — Чингисхана и Тимура?

1

Чингисхан и Тимур создали (первый — в XIII веке, второй — в XIV и начале XV века) большие политические объединения мириад людей — будем условно называть их империями. Империи в этом смысле непрерывно являются в истории человечества в качестве надстройки над самыми разнообразными социально-экономическими образованиями. Они носят

то устойчивый характер, то эфемерный, особенно когда движение возглавляется крупной личностью; наконец, империи бывают то «сплошными», то «лоскутными», составленными из самых разнообразных историко-этнических кусков.

Империи Чингисхана и Тимура падают на эпоху феодализма, носят лоскутный характер; империя Тимура — эфемерна, империя Чингисхана — более устойчива.

2

Ход жизненной деятельности Чингисхана на основании ряда источников можно нарисовать в таком виде.

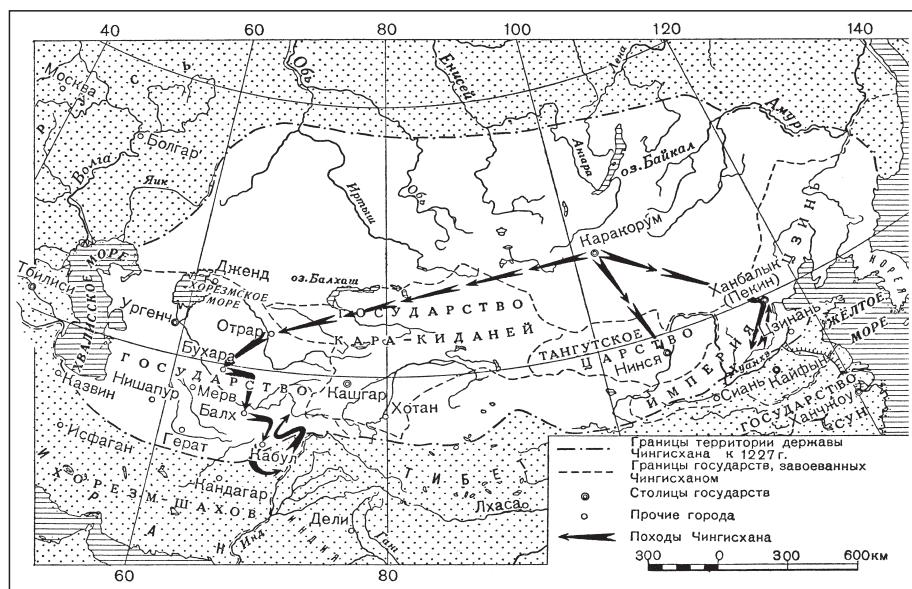
Его первоначально звали Темучином; родился он приблизительно в 1155 году христианской эры на берегу Онона, в Монголии, его отец Исуген-богадур пользовался некоторым влиянием среди окрестных племен, но после его смерти семья вынуждена была скитаться по лесам, питаясь кореньями и дичью.

Темучин, выдававшийся физическими и умственными силами среди своих сверстников, набрал из них шайку удальцов и сначала занимался мелкими разбоями-набегами на соседние племена; число его приверженцев, привлеченных удальством, постоянными удачными набегами и обильной добычей, все росло.

Дальнейшую деятельность Темучина как завоевателя можно разделить на два далеко не равноценных периода: до великого «курултая» (собрания племенных вождей) в 1206 году и от «курултая» до смерти в августе 1227 года.

Первоначальный улус Темучина состоял из земель на верховьях рек Талы, Керуляна и Онона с их притоками. До 1206 года он не задавался определенными завоевательными целями; он только искусно маневрировал среди окрестных враждебных племен: пользуясь центральным положением своего улуса, он нападал по отдельности на сильные племена, предупреждая их возможные набеги, и то хитростью, то подарками не давал соединяться против себя большим отрядам чужих воинов. Неизбежным, хотя и малосознательно достигнутым результатом этого было объединение к 1203 году Восточной Монголии и к 1205 году — объединение Западной Монголии.

1206 год — год великого перелома в жизненной деятельности Темучина; великий курултай наглядно показал Темучину, что он владеет всеми племенами Монголии, что ему подчиняются все ханы; он принимает имя Чингисхана («хана ханов») и первым делом устраниет суверенитет «нюнчжей» (владык Северного Китая). С этого момента он начинает все более



сознательную деятельность, направленную на завоевание окружающих государств.

Держава Чингисхана

Помимо нючжей и государства Сун (Южный Китай) срединная полоса Азии от Тихого океана до Каспийского моря слагалась из трех больших государств: 1) Тангутское (Тибет); 2) Кара-Китайское (Восточный Туркестан и западная часть пустынь Гоби и Шамо) и 3) Хорезмское (Мавераннахр, Туркменистан, Таджикистан, Хорасан). Чингисхан начал свои сокрушительные удары с государства тангутов; до сих пор он удачно воевал с кочевыми народами, противопоставляя свою лихую конницу коннице соседей; теперь ему пришлось вести войну с оседлым народом, борясь с пехотой, брать штурмом крепости. В ранних тангутских походах (1206, 1207 и 1209 годы) он приобрел недостающие ему навыки, подготовил войско, способное на дальние походы, на борьбу с разными видами пеших воинов, научился при помощи лестниц и стенобитных орудий штурмовать и брать крепости.

С 1211 года Чингисхан начинает знаменитый поход на своего прежнего сюзерена, владыку Северного Китая, чтобы окончательно утвердить свой суверенитет в глазах народов мира. В июне 1215 года под его ударами пал Пекин; к 1218 году было завоевано Кара-Китайское госу-

дарство, и на курултае в 1218 году Чингисхан решил идти на Запад, предоставив закончить завоевание Северного Китая своим военачальникам. С 1220 по 1224 год длится ожесточенная борьба с владыкою Хорезмского государства, Мухаммедом. Чингисхан последовательно захватывает все хорезмские улусы вплоть до степей Южной России (знаменитая битва при Калке в 1224 году, в которой монголы одержали решительную победу над русскими князьями).

Последние годы своей жизни (1226 и 1227) Чингисхан посвятил окончательному завоеванию государства тангутов. Таким образом, Чингисхан, начав с маленького, бедного улуса в Монголии, объединил всю Монголию, свергнул иго китайцев, сам покорил Северный Китай, объединил в своих руках Среднюю Азию и теперь уже ставил задачу овладеть всем миром, сделаться джехангиром.

На великом курултае было решено в восемнадцать походов овладеть миром, и прежде всего Европой; на долю Батыя выпал первый и, к счастью для Европы, последний поход на дальний Запад.

Завоевание Азии и трения между преемниками «Великого хана» отвлекли внимание монголов от Западной Европы. Только восток Европы на долгие годы подпал под монгольское иго.

Как некогда Александр Македонский своим неслыханным по масштабу походом в Азию запечатлел свое имя в памяти бесчисленных народов на долгие века, так и Чингисхан навеки запечатлелся в памяти народов, населявших Азию. Двигавшийся непрестанно вперед, неумолимый, как судьба, всегдаший победитель, не разборчивый в средствах, истребитель бесчисленных мириад людей, сокрушитель славных и могучих городов, а вместе с тем и искусный организатор своих бесчисленных полчищ, мудрый правитель необъятной азиатско-европейской империи и великий законодатель!

Его преемники с великим благоговением хранили и соблюдали правила искусства воевать, выработанные в великих походах при Чингисхане; они жили его мудрой наукой истреблять или ослаблять покоренные сильные народы, чтобы избежать впоследствии восстаний, ассимилировать кочевников и эксплуатировать оседлых, выжимая в качестве дани все соки покоренного народа, как это было на Руси; его сборник законов, известный под именем «Яса», остался навсегда основою права азиатских кочевых народов, успешно конкурируя с Кораном и юридическими нормами, выработанными буддизмом.

Со времен Чингисхана на долгие годы утвердился особый социально-хозяйственный тип государства: феодально-племенной уклад жизни в могучих рамках обширной централизованной империи с правильно налаженной администрацией и судом, с жестко и планомерно устроенным войском,

с мастерски организованным симбиозом между кочевниками-владыками и оседлыми подданными.

3

Другой джехангир – «сахиб-уль-кырам» (рожденный под счастливым сочетанием планет), «великий амир», Аксак-Темир (Хромец Железный), Тимур-Ленг, Тамерлан, как называли его народы «Рума» (европейцы) – разрушал и строил наподобие Чингисхана, только прикрываясь тяжелой мантией ислама. Ислам придал своеобразный колорит политическому оформлению нового джехангира, создал новую теорию власти, дал парадоксальное оправдание всем уловкам и изгибам умного и хитрого деспота, который создал в XIV веке в Средней и Передней Азии империю на обломках прежней – Чингисхана.

В начале своего жизненного пути Тимур (он родился 9 апреля 1336 года христианской эры) испытал немало превратностей судьбы. В его детстве и юности Мавераннахр, его родина, распадался на множество феодальных земель, владельцы которых, тюркские амиры, вели ожесточенную войну всех против всех. Тимур основательно выварился в кotle этих непрерывных боев и хитростей, прикрытых знаменем посланника Аллаха Мухаммеда и возвращенным им Кораном.

Сначала Тимур с добродетельным видом маленького человека, всем обязанный великому, был вассалом Казгана, главы тюркских амиров, женился на его внучке, по крохам собирая феодальные объедки, падавшие со стола Казгана; тут он проходил первую практическую школу военно-политических и дипломатических наук той эпохи, выучился распознавать людей и умело ими пользоваться в самых сложных обстоятельствах феодальной анархии и дезорганизованности.

Казган пал жертвой заговора своих амиров, но Тимуру удалось выплыть на поверхность бурлящего политического моря в роли одного из триумвиров, владевших Самарканом, будущей столицей джехангира. Теперь его манит мечта избавиться силой или хитростью от других феодалов Мавераннахра и сделаться «справедливым и милостивым» самодержцем.

Мечты были прерваны нашествием в Мавераннахр потомка Чингисхана, хакана Джете Туклук-Тимура. Местные феодалы не решились бороться с грозным нашествием; они или спасались бегством в соседние страны, или спешили униженно подчиниться. Тимур, рассчитывая использовать уроки прошлого при Казгане, немедленно подчинился хакану и задумал далекую хитроумную комбинацию – войти в полное доверие Туклук-Тимуру и с его помощью сделаться владыкою Мавераннахра. Его планы потерпели крах: Туклук-Тимур передал полноту власти своему сыну Ильяс-Ходже, а Тимура сделал только главным амиром воинов Мавераннахра.



Монгольские государства в конце XIII в.

Честолюбивый Тимур не снес жестокого удара по самолюбию и попробовал самовластно распоряжаться в Мавераннахре, прикрываясь благочестивыми намерениями защитить потомков Мухаммеда от насилия пришельцев из Джете, узбеков-язычников. Но Тимур был еще слишком слаб для борьбы с Джете. Он сразу лишился власти и почета, с небольшой кучкой своих родичей и приверженцев, отчаянных головорезов, должен был бежать из Самарканда и скитаться по степям Туркменистана, где попал в тюрьму к одному туркменскому феодалу. Отсюда, из смрадной ямы, начинается сначала медленное, потом все ускоряющееся движение к власти над миром. Он собирает своих сторонников из всего Мавераннахра и после ряда удачных и неудачных боев изгоняет воинов Джете. Конец шестидесятых годов XIV века наполняется борьбой с амиром Хусайном, внуком Казгана; в 1370 году Хусайн убит, и Тимур делается самодержцем Турана. Еще десяток лет уходит на борьбу с Джете и непокорными феодалами внутри страны.

С начала восьмидесятых годов Тимур, собрав Туран, как в свое время Чингисхан Монголию, устремляется на Иран, захватывает Персию и Афганистан, а потом приступает к завоеванию мира в походах трехлетнем (с 1386 года), пятилетнем (с 1392 года) и семилетнем (с 1399 года).

Трехлетний поход Тимура был прерван нашествием в Мавераннахр другого завоевателя, стремившегося стать

джехангиром,— хана Золотой Орды Тохтамыша, который заручился союзом с амирами Джете и Хорезма. Тимур прогнал Тохтамыша, разгромил его союзников и сам предпринял в 1391 году дальний поход на Тохтамыша по среднеазиатским степям в низовье Волги.

Пятилетний поход начался покорением Западной Персии и Ирака во главе с Багдадом и прикаспийских земель, но скоро перешел в новую борьбу с Тохтамышем, который атаковал Тимура в Закавказье; Тимур разбил своего грозного врага на Тереке и, преследуя его, докатился до Ельца, разгромил Золотую Орду и Черноморское побережье и в 1396 году вернулся в Самарканд.

Приготовляясь к семилетнему походу против второго великого соперника-джехангира, султана османских турок, Баязида Молниеносного, грозы и победителя западноевропейских рыцарей, Тимур совершил подготовительный поход в Северную Индию, где разгромил (1398—1399 годы) Дели, дошел до Ганга и с богатой добычей (жалованием своим богадуром за семь лет вперед) вернулся для короткой передышки в Самарканд, чтобы оттуда двинуться на дальний Запад.

Тимур разгромил египетского султана Фараджа, союзника Баязида, захватил Сирию и вторгся в Малую Азию; он выбрал позицию, крайне удобную для маневрирования своей лучшей в мире конницы и неудобную для действий лучшей в мире пехоты Баязида, при Ангоре (теперешняя Анкара — столица Турецкой Республики), и в 1402 году нанес решительное поражение непобедимому султану османов. Отделавшись от последнего крупного соперника, Тимур стал готовиться в поход на Китай, чтобы получить формальное право на владычество над миром, и во время похода умер в феврале 1405 года. После его смерти громадная империя быстро распалась: Тимуриды не были так счастливы, как потомки Чингисхана.

Удивительный, но безумно жестокий, хотя и очень набожный, воин и военачальник, создатель покрытой знаменем «правой веры» огромной феодально-племенной империи, Тимур представлялся потомству любопытным философом-моралистом, развивавшим очень интересные теории о природе власти правителя, о единстве человеческого рода, нарисовавшим блестящий образ, теоретический и практический, владыки мира. Громадной эрудицией он привел в восторг своего современника, знаменитого историка Ибн-Халдуна, своими постройками в Самарканде, художественным вкусом удивил не только современников, но и далеких потомков.

Некоторые знатоки истории военного искусства утверждают, что знаменитые наполеоновские стратегия и тактика, казалось бы, не имеющие аналогов, на самом деле заимствованы у Тимура; знаменитый «джехангир» Запада будто бы удачно копировал и развивал теорию и практику Железного Хромца XIV века.

III. Научно-историческая ценность и литературно-художественная морфология «Автобиографии Тимура»

1

Был ли автором «Автобиографии» сам Тимур, или она принадлежит другому автору, написавшему ее, быть может, по данным «Истории подвигов» Тимура – официальной летописи, которая велась – так утверждается в самой «Автобиографии» – при его дворе? «Автобиография» пытается опровергнуть тезис о неграмотности Тимура, о его необразованности: он учился в школе, был старшим учеником; с большой охотой сидел у ног «улемов» (духовных наставников, пропагандистов ислама); впитывал в себя тогдашнюю мудрость, был очень начитан в Коране – энциклопедии религиозно-философских знаний той эпохи; его историческим знаниям, его широкому умственному кругозору дивился Ибн-Халдун, великий ученый XIV века.

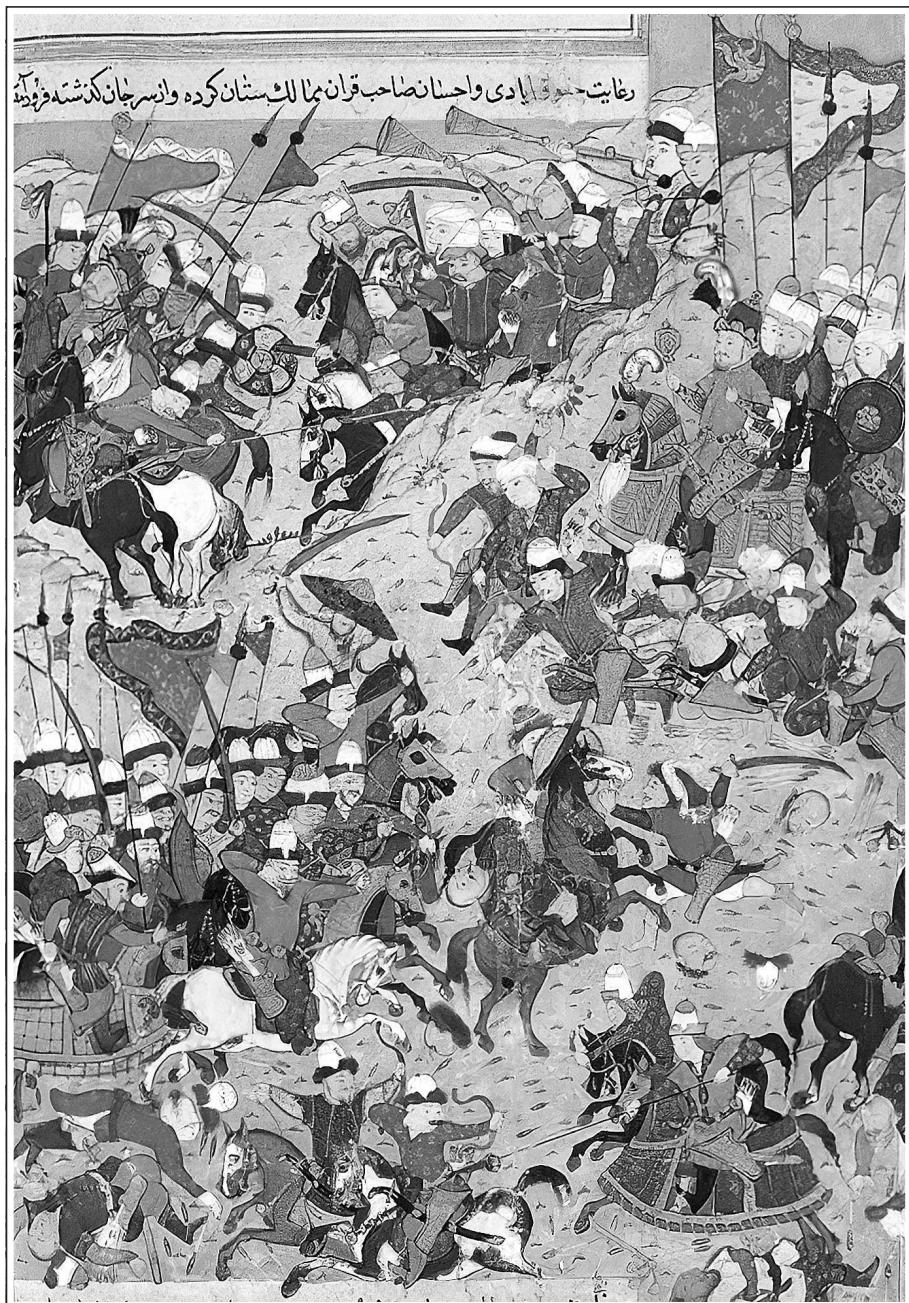
Значит, существует ряд предпосылок для тезиса, что «Автобиография» могла исходить от самого Тимура. Далее, тонкость душевных переживаний, в точности соответствующая многообразию житейских казусов, уверенность в распоряжении логическими выкладками – своеобразными силлогизмами, свободное передвижение и комбинация различных сюжетов и мотивов в первой (без хронологических разрывов) части «Автобиографии», эпизодичность записей в ранних хронологических разрядах и тонкая, изысканно точная (кроме трех-четырех отдельных случаев) последовательность – в поздних свидетельствуют, с большой степенью вероятности, о том, что «Автобиография» могла быть в существенных чертах записана со слов Тимура, но впоследствии она, вероятно, получила хронологическое и генеалогическое оформление, насквозь пропиталась моральными поучениями и рассуждениями со стороны улемов и таким образом получила сложный, «слоевой» характер.

2

Как бы в конечном счете ни решался вопрос об авторе «Автобиографии», остается в полной силе проблема о научно-исторической ценности нашего источника. Каковы важнейшие объективные моменты, которые определяли расстановку фактов, их окраску, а иногда и само их существование?

Общие предпосылки, определяющие содержание «Автобиографии», даны в главе I; здесь мы остановимся только на специфических особенностях данного произведения.

Основная тенденция, основной пафос «Автобиографии» – «джехангирство»; подобраны и внесены в книгу только факты, рисующие восхождение джехангира к основной цели своей жизни, и если иногда даны обратные факты – удары судьбы, то исключительно для того, чтобы поучительной



Армия Тимура сражается с татарами хана Тохтамыша в 1395 г.

Иллюстрация из многотомной всеобщей истории, названной «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»), персидского историка Мирхонда. Рукопись 1599 г.

антитезой оттенить диалектически развертывающийся процесс «джехангирства». Любопытно, что отрицательные стороны «покорителя мира» не всегда скрываются, не всегда исчезают из поля зрения автора, но они тщательно перетолковываются в пользу «сверхгероя», или же «сверхгерой» отбрасывает факты вроде дурных вещих снов или дурного их истолкования, раз они мешают ему двигаться вперед и делать задуманное по-своему...

Интересно взглянуть на саму композицию «Автобиографии». Автор сначала собирает всю квинтэссенцию «джехангирства»: он дает теоретические трактаты о «справедливом и милостивом пастьре народа», о природе власти правителя, а затем подбирает фрагменты практического выполнения джехангиром своей провиденциальной миссии в мире, вставленные в магическую оправу из разных видов оккультного знания. Из первой части «Автобиографии» читатель уходит уже вполне подготовленным; когда он читает вторую, погодную часть «Автобиографии», он уже сам заранее толкует факты, которые перед ним раскрываются последовательно, год за годом; но автор не успокаивается и здесь: он всюду дает понять, как нужно толковать то или иное событие, как не ошибиться в оценке того или иного поступка.

Нельзя, конечно, слишком перегибать палку в эту сторону; личность героя — действительно исключительна по своим физическим и умственным дарованиям; его подвиги — верх храбрости, ловкости и хитрости; нельзя поэтому всякое выхождение за уровень среднего человека сводить к субъективным моментам, кискажению реальных данных. Читатель наших дней не может свести все содержание «Автобиографии» только к аретологическим моментам, то есть к сюжетам и мотивам, восхваляющим «сверхгероя», в ущерб богатому реальному содержанию рассказа. Но что непременно следует откидывать — это нестерпимый морализирующий тон или привкус в речах автора; становится часто досадно, когда после очень живого авантюрного эпизода, который так и требует кисти художника, приходится выслушивать сухое поучение автора о том, что хорошо и что плохо, что следует делать и чего не следует делать, с ссылкой на авторитеты шейхов и пиров. Пиетизм и морализм прямо убивают хорошего рассказчика.

Говоря общо, магический орнамент и морализм — элементы, которые необходимо устраниТЬ, чтобы получить реальное представление о деятельности Тимура в первый, мавераннахрский период, и эти же элементы следует строго учитывать, когда нужно вникнуть в идеологию той эпохи и понять особенности «Автобиографии» как книги о джехангире.

3

Каковы литературные формы, в которые отлито содержание «Автобиографии»?

С первого же взгляда можно нащупать несколько главных форм: 1) магически-оккультные сюжеты и мотивы; 2) авантюрные; 3) аретологические; 4) агиографические; 5) моральные заповеди и 6) продукты устного творчества: а) сказочные сюжеты и мотивы и б) пословицы.

Приводим дальше приблизительный перечень сюжетов и мотивов по группам с большой и серьезной оговоркой, что многие сюжеты многокрасочны и принадлежат к той или иной группе лишь очень условно.

I. Магически-оккультные сюжеты и мотивы

1. Подарок шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади.
2. Сон сайида Паттхаха и белое знамя.
3. Гадание на могиле шейха Ясави.
4. Магическое четверостишие.
5. Гадание по Корану.
6. Гороскопы астрологов.
7. Вещий сон хазрета Убайдуллы.
8. Вещие сны Тимура и его отца амира Тарагая.
9. Вещие голоса Тимуру.
10. Явление Хызра Тимуру.
11. Прорицания амира Куляля.
12. Гадания и прорицания в долине Арсаф.
13. Клятва на Коране и мече.
14. Магические числа: 1) семь; 2) семьдесят; 3) четыре.

II. Авантюрные

1. Разрушение языческих капищ.
2. Педерастия в школе и изнасилование женщины турком.
3. Охота за козой.
4. Болезнь и лечение.
5. Ливень на охоте.
6. Амир Бакыр в Герате.
7. Хитрость при захвате Хорезма.
8. Тимур попадает в ловушку к Хаджи-Барласу и Баязид-Джалаиру.
9. Бой шестидесяти с тысячей.
10. Приключения в степях Туркменистана.
11. Тюрьма у Джан-Курбаны.
12. Тимур — «каляндар».
13. Концентрация союзников в долине Арсаф.
14. Воины Джете застают Тимура врасплох.
15. Хитрость отрядов Тимура у Кеши.

16. Бой с войсками Кичик-бега.
17. Пленные амиры Ильяс-ходжи у Тимура.
18. Коварство амира Хусайна в долине Кичик-бега.
19. Рекогносцировка Тимура у Карши.
20. Штурм Карши.
21. Поединок Гази-Бугана и Узбека.

III. Аретологические

1. Двенадцать моральных качеств Тимура.
2. Трактат о природе власти правителя.
3. Сон Убайдуллы.
4. Белое знамя.
5. Тимур – советник хакана Туклук-Тимура.
6. Освобождение семидесяти сайидов.
7. Кара-Джар-нойон.
8. Прорицание амира Куляля.
9. Великодущие к амиру Казгану.
10. «Фетва» жителей Самарканда и Мавераннахра.
11. Долина Арсаф и амиры Тимура.
12. Пацифизм Тимура.
13. Великодущие Тимура и пленные амиры Ильяс-ходжи.
14. Великодущие к амиру Хусайну.
15. Великодущие к пленным женщинам и юношам.
16. Тимур и доверие его амиров.

IV. Агиографические

1. Двенадцать моральных качеств Тимура.
2. Паломничество к шейху Заин-эд-дину.
3. Кутб-конюх.
4. Амир Куляль.

V. Моральные заповеди

1. Двенадцать моральных качеств Тимура.
2. Советы Тимура хакану Туклук-Тимуру.
3. Четыре правила шейха Заин-эд-дина.
4. Завещание амира Тарагая Тимуру.

VI. Сказочные сюжеты и мотивы

1. Ключ и число «три» в эпизоде о кутбе-конюхе.
2. Счет зерен и хлебов в эпизоде об амире Куляле.
3. Три кучки золы в сновидении перед битвой с Кайсаром.

VII. Пословицы

1. Тюрки говорят: «Для тысячи ворон достаточно одного комка глины».

2. «Две головы рогатых баранов нельзя сварить в одном котле».

Детальный перечень различных сюжетов и мотивов в «Автобиографии» приводит к очень интересным выводам.

1. Преобладают авантюрные, магически-оккультные и аретологические сюжеты и мотивы.

2. Очень мало моментов устного творчества и агиографических мотивов.

Если говорить очень общо, «Автобиография Тимура» — книга, воспевающая героя, его приключения, его оккультно-магическое покрывало, т. е. книга о джехангире, но автор, как человек высокого социального полета и тонкий для своего времени моралист-диалектик в теории и практике, далек от устного творчества, от его сказочных мотивов, песен, загадок и пословиц,— творчества и философии общественных низов. Агиографические же мотивы вводятся лишь постольку, поскольку нужно окружить джехангира сверхъестественным сиянием.

Перед нами — хороший образец мемуарной литературы феодальных (отсюда преобладание авантюрных и магических мотивов!) высших (отсюда малое внимание к фольклору!) кругов Востока, послуживший основой для морально-политического трактата о джехангире.

Уже *a priori* ясно, что здесь нельзя искать изящных рифмованных строк, мощного, животворного веяния ритма, сталактитовой красоты троп и фигур и других драгоценностей устного творчества, раз это книга социальных верхов.

Но здесь не отразилось и «верхнее творчество» придворных поэтов и певцов-музыкантов. Автор книги, фигура слишком серьезная, с нередкими аскетическими уклонами, ярый приверженец идеи «джехангирства», слишком занят военными делами и дипломатическими хитростями, чтобы уделять много внимания поэзии и музыке; он знаком с былинами о древних богатырях, но они только средство похвастаться удалью своих богадуров; он знает прекрасное стихотворение, но оно служит лишь магическим талисманом победы на поле браны.

Итак, в «Автобиографии» нет сознательной художественной орнаментировки! Но все же художественная натура автора бессознательными потоками пробивает кору ханжества, морализма, военно-политической занятости. Эти потоки прежде всего — вещие сны Тимура. Здесь щедрой рукой разбросаны и реальные, подчас самые прозаические, и фантастические образы в самых причудливых и неожиданных комбинациях. Ин-

тересен диапазон символических образов сновидений. Говоря грубо, их можно разделить на две группы: а) реальные и б) фантастические.

I. Реальные образы

1. Птицы: сокол, черный ворон.
2. Млекопитающие: корова, конь, львы.
3. Насекомые: скорпионы, мухи.
4. Фруктовые деревья, цветы.
5. Сад, пустыня, гора.
6. Оружие: меч, праша, батик.
7. Утварь: блюдо серебряное; сосуды для вина; чашка с водой.
8. Сооружения: башня, трон.
9. Музыка.
10. Метеорологические и космические явления: луч света с востока, тучи свинцовые, туман мглистый, ливень, пары, обратившиеся в воздухе в капли и упавшие на землю дождем.

II. Фантастические образы

1. Люди, ведущие в книгах записи человеческой жизни.
2. Гении (джинны).

Художественность заостряется в комбинациях и способах расшифровки сновидений.

1) Клинок меча осветил своим блеском весь мир...

Невод вытащил из большой реки всех населявших ее рыб и животных...

Дерево раскинуло развесистые ветви и заслонило солнце...

Здесь сила художественного образа — в искусной антитезе между малым объектом и гипертрофически увеличенным центром приложения сил этого объекта.

2) Луч света с востока упал на голову, потом потух и погас...

Свинцовые тучи и туман рассеялись после проливного дождя...

С ветвей большого дерева Тимур спустился на землю...

Чашка с водой упала на землю, и вода разлилась...

Тут художественность скрыта в моменте динамики, перехода от одного состояния в другое, в метаморфозе действия; один образ потухает, чтобы смениться другим по форме, равноценным по значимости, решающим по силе действия.

3) Ужасные призраки гениев...

Роскошный сад, полный всяких улад...

Тучи и туманы...

Благодетельный дождь...

Здесь образы, ассоциированные по законам контраста, даются как форма сравнения для отрицательного и положительного, для дурного и хорошего!

С другой стороны, художественные образы прорываются в саму цитадель «Автобиографии», вклиниваясь в моральные поучения и советы Тимура.

Тут художник оперирует непрерывно, но очень удачно приемом сравнения.

Мир подобен золотому сундуку, наполненному змеями и скорпионами...

Четыре дурных качества амира Хусайна подобны четырем стихиям мира...

*Всякая власть подобна громадному шатру,
крыша которого опирается на столбы...*

Автор берет очень возвышенные и серьезные объекты и очень искусно конкретизирует их, отделяя в сравниваемом и сравнительном внешнее от внутреннего, существенное от деталей.

Мир устроен диалектически по самой своей природе; сравнительный объект дает единство конкретных противоположностей: золотой внешности и гнусной внутренности.

Характер Хусайна понятен по сходству с четырьмя стихиями, из которых сложен мир.

Организация власти подобна организации большого шатра, отдельные качества правителя соответствуют в точности отдельным частям шатра.

Сундук, скорпионы, четыре стихии мира, шатер — предметы, близко знакомые всему кругу читателей «Автобиографии»; тонкой координацией этих конкретных предметов с абстрактными идеями достигается высокая художественность изображения.

Художественная стихия прорывается и в самой гуще авантюрных мотивов интригующей тематикой, соблазнительной ситуацией, неожиданностью эффектов, выпуклостью формы; каждый сюжет подан так, что непременно вырастит былину или песню, создаст сказку, потребует кисти художника или резца ваятеля; каждый мотив так и проситозвучных ритмов и образов.

Так, большая художественная натура автора «Автобиографии» требует реализации своих прав наряду с серьезным и важным, войной и пietизmом, дипломатией и морализмом,— независимо от того, хочет или не хочет этого автор. Больше того, автор в своих художественных образах и композициях суверенен, не заимствует их откуда-либо извне и не нуждается в посторонней помощи, он такой же самостоятельный художник слова, как и военачальник, и правитель, и философ, и суевер.

И художественное нисколько не мешает серьезному и важному, не звучит контрастно, не отпугивает читателя, наоборот, оно, не при никакая высокого, не вульгаризируя серьезного, дает какую-то приятную законченность и цельность всем героям и всем картинам, всему целому «Книги о джехангире»!

IV. Научно-историческая ценность и литературно-художественная морфология «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)»

1

Составляют ли «Богатырские сказания» цельное произведение одного автора?

Перед нами в «Сказаниях» волнуется иная, чем в «Автобиографии», стихия — стихия сказочных и легендарных сюжетов, то переплетающихся, то эволюционирующих, то контрастных; эта стихия прерывается кое-где островками — то генеалогическим и хронологическим орнаментом, то философскими и моральными поучениями. Эти островки создают впечатление маргинальных заметок читателя, вдумчивого и внимательного. Кажется, что кем-то раньше были подобраны (удачно или не совсем, это другой вопрос) фрагменты сказок и легенд, а кто-то другой дал им ученое окружение в стиле своей эпохи: подобрал генеалогию главных персонажей, прибавил кое-где хронологические даты и покрыл их поступки моральными характеристиками.

Вот что принадлежит последнему автору или редактору:

1. Генеалогия от Ноя до Бурхана и замечание о Бурхане.
2. «Домострой» Бодентая и Болектая.
3. Поучение Тимуру Бортакшин — сорокасаженные косы.
4. Геральдики биев Чингисхана.
5. Хронология Чингисхана.
6. Поучение и хитрости Аксак-Темира в Индустане.
7. Хронология захвата города Булгар Аксак-Темиром.
8. Трактат Аксак-Темира о происхождении зла.
9. Генеalogии Ихсан-бега и Инсан-бега.
10. Проповедь ислама на урочище Кыйя.
11. Поучение о деятельности джехангира Аксак-Темира.
12. Перечень походов Аксак-Темира.

Личность последнего, окончательного редактора до известной степени ясна — это улем, пропагандист ислама, близкий к кругам феодальной знати Востока, знаток и мастер по части генеалогии и геральдики, по хронологической подаче событий. «Сказания» — работа человека, близкого одновременно и к монастырю, и к замку феодального правителя. Быть может, в своих архивах нашел он раннее произведение и обработал его,— к счастью, не очень глубоко!..

Но откуда идет первоначальная редакция наших «Богатырских сказаний»?

У калмыков (оиратов Западной Монголии) развит богатый героический эпос «Джангариада» — цикл былин, поэм вполне самостоятельных, свя-

занных между собой единым центральным персонажем, Джангар-ханом, которому служат все богатыри, герои отдельных поэм, наподобие того, как русские богатыри группируются около Владимира Красное Солнышко. На пирах, на свадьбах, на общественных празднествах соперничали между собою «джангарчи», певцы «Джангариады», певшие под аккомпанемент домбры (двуухструнный инструмент), знавшие по нескольку песен поэмы, а часто и целиком всю поэму.

Наши сказания, конечно, не входили в состав «Джангариады», но они составляют две самостоятельные поэмы о Чингисхане и Аксак-Темире, скомпонованные какими-то неведомыми, вольными художниками степей по тематике «Джангариады» из отдельных сказочных мотивов, легенд и былин; докапываться, кто были эти «вольные художники степей», для нас не так уж и существенно в конечном счете.

2

Какова научно-историческая ценность «Богатырских сказаний»?

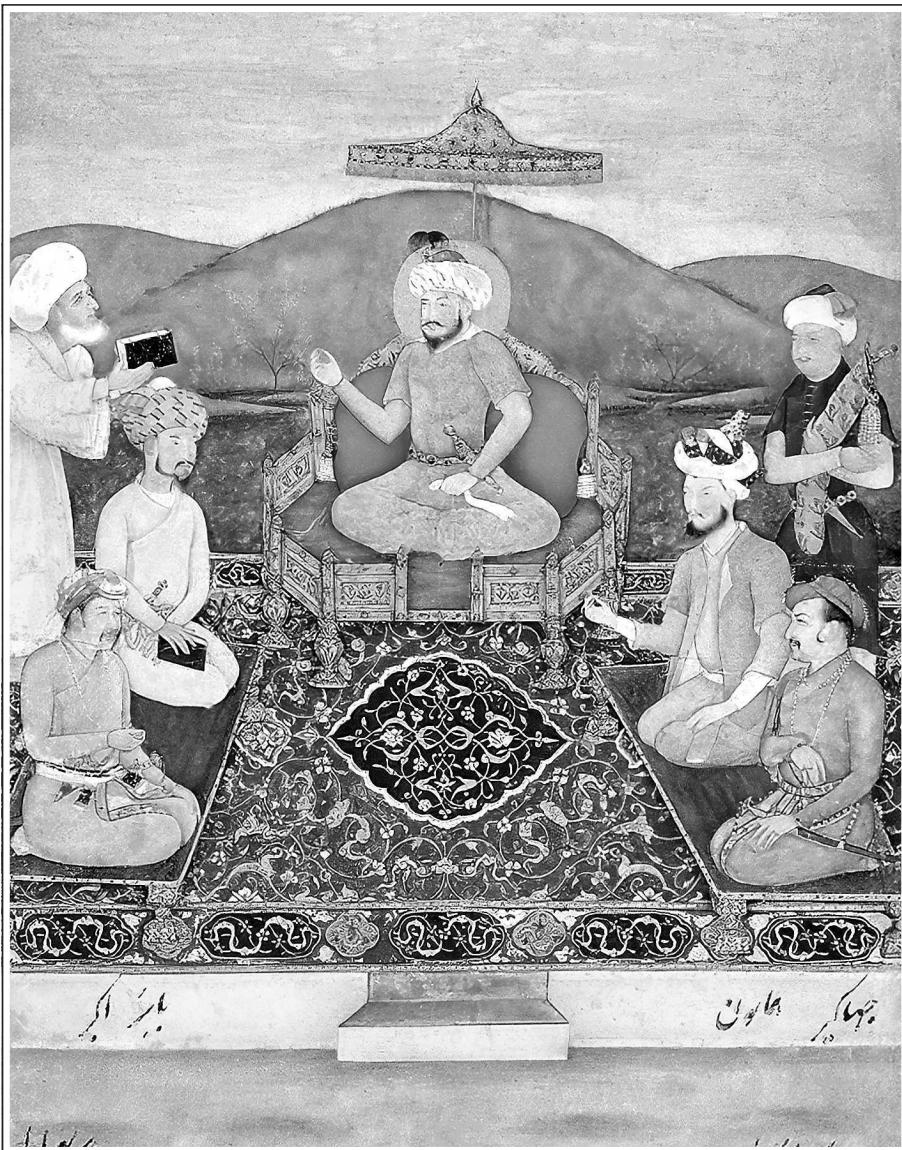
Начнем с верхнего, более научного, более историзирующего слоя. Хронология, генеалогия, геральдика – ценные вспомогательные дисциплины для современной исторической науки в ее микроскопическом разрезе; для микроскопических измерений требуется особенная изощренная точность и тонкость, и мы, люди XXI века, особенно избалованы по этой части; тем труднее говорить нам о произведении феодального Средневековья.

Хронология – относительно Чингисхана довольно правильная, относительно Аксак-Темира нелепая, заменяется «многогодием» – отражением долголетних походов реального Тимура.

Генеалогия – реальная относительно потомков Чингисхана, легендарная относительно предков и совершенно фантастическая (но вполне в духе монастырско-рыцарских генеалогических изысканий Средневековья) в отношении прикрепления родословного древа Чингисхана к родоначальнику послепотопного человечества, Ною, и его ближайшим потомкам – сыновьям.

Геральдика может иметь высокую степень вероятности, если только она опирается на предания, хранившиеся и передававшиеся по наследству в родах военачальников Чингисхана, и совершенно призрачную, если она – только очень искусная, хитроумная комбинация самых разнообразных легенд и сказочных мотивов. Какая версия более соответствует истине, нельзя сказать с полной уверенностью.

Компоновка «Сказаний». Не будем говорить о «Сказании о Чингисхане»; там незаметно, кроме немногих переходных фраз, никаких ученых усилий, направленных на создание композиции «Сказания». Но она довольно рельефно выступает во второй половине «Сказания об Аксак-Темире», когда



Тимур и его потомки. Могольская миниатюра. XVII в.

У Тимура было четверо сыновей: Джакхангир (1356–1376), Умар-шейх (1356–1394), Миран-шах (1366–1408), Шахрух (1377–1447) и несколько дочерей: Тагайшах (1359–1382), Султан Бахт ага (1362–1430), Биги джан, Саадат султан, Мусалла.

В творчестве и науке из внуков Тимура наилучше прославились: сыновья Шахруха: знаменитый астроном, основатель самаркандской Академии наук – Мирзо Улугбек (1394–1449), знаменитый каллиграф, поэт, основатель Художественной академии в Герате – Байсункур Мирза (1397–1433); сыновья Миран-шаха: поэт Халил Султан (1384–1411), поэт Сайд Ахмад.

вычерчивается путь Аксак-Темира в джехангиры. У автора два громадных минуса: 1) он совершенно не обращает внимания на фантастичность многих сюжетов (Миср, Стамбул, Владимир и др.) и 2) совершенно произвольно вытягивает все походы Тимура в одну сплошную пространственно-временную линию, не чувствует никаких прорывов и перерывов.

Морализм в «Сказаниях». Его ценность очень своеобразная, она характеризует совсем не «Сказания», а только мировоззрение ученых ханжеских кругов, которые, по-видимому, желали пропустить «языческие» вещи сквозь свою цензурную призму, создать из них орудие для изготовления рецептов благочестивой житейской морали... Значит, улем просто-напросто испортил своей «ученостью» то, что он получил из «языческих» источников!

Следует ли говорить о научно-исторической ценности древнейшего, подлинного пласта «Сказаний»? Вряд ли. «Сказания», нужно думать, никогда не претендовали на такую значимость, и не следует насиливать их праздными вопросами.

3

Более реальна проблема литературной морфологии «Сказаний».

Здесь нельзя давать резких разрывов по видам сюжетов, как в прозаической «Автобиографии» (и там-то не всегда легко удавалось классифицировать эпизоды по их литературной окраске, приходилось довольноствоваться условным и относительным ярлыком); здесь сливаются в одно многогранное целое почти в каждом эпизоде и аретологические, и сказочные, и авантюрные, и оккультно-магические сюжеты.

Вот примеры сюжетов.

Эпизод «Писаная красавица Гулямалик-Курукти». Доблесть «писаной красавицы» — умницы, которую не только любит, но и уважает богатырь-мужчина. Здесь настойчивой струей льются приключения героини то в темном дворце, то на золотом корабле, то в палатке у Тумакул-Мергеня, то в заботах о старшем сыне, рожденном от солнца.

Эпизоды «Уход Чингисхана на Черную гору» и «Добытие Чингисхана биями». Центральная фигура чудесного человека (пока еще не джехангира), таинственный уход на неведомую гору, удивительная подача вестей от ушедшего, потаенная охота, поиски героя среди странных дворцов, зверей и пугающих звуков,— приключение сменяется приключением, и непрерывно движется бесконечно богатый ряд сказочных форм, зрительных звуков, магических чисел.

Эпизод «Аксак-Темир хитростью берет Стамбул». В фокусе — личность джехангира, его доблесть и хитрость; напряженно вводятся авантюрные моменты: дальний поход к мировому городу, сражение около него, «много-

годная» осада, переговоры врагов и дьявольски ловкий захват Стамбула; напряженный авантюризм облечен в сказочную мантию — добывание хитростью, когда не хватает сил, какого-нибудь очень ценного приза.

Эпизод «Игры Аксак-Темира с мальчиками-сверстниками» насыщен скорее легендарными мотивами; здесь центральная фигура носит несравненно более реальный характер, чем в предшествующих эпизодах; приключения героя окрашены в более реальные жизненные цвета, они вытекают из стремления всякой легенды уже с колыбели, с детства наделить героя чертами необыкновенной сметливости и чрезвычайного ума.

Эпизод «Аксак-Темир на урочище Кыйя» дает ряд любопытных живых сценок из народного быта (если угодно, идиллий), любопытных социально-психологических моментов, но все они вставлены в легендарную оправу рассказа о нашествии несметных полчищ Аксак-Темира; эти сценки постольку и живут, поскольку являются любопытными микроскопическими деталями, реакциями на сверхъестественное шествие джехангира.

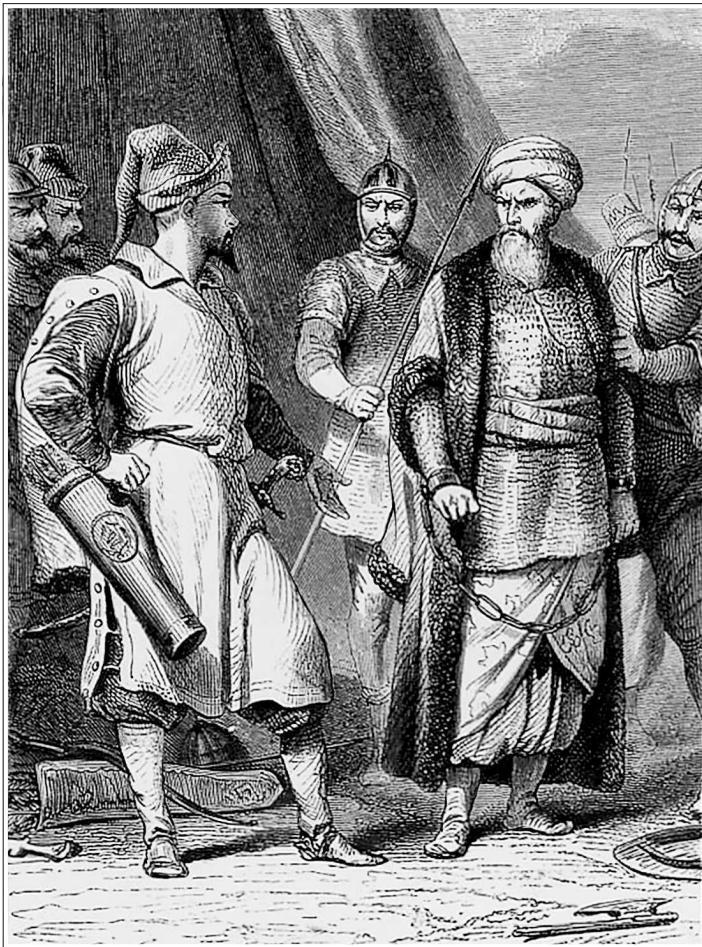
Не будем умножать примеров. Ясно, что литературная амплитуда «Богатырских сказаний» колеблется между сказками, сказочной оправой, легендами и эпизодами, вставленными в легендарную оправу.

Что сказать о композициях наших произведений?

«Сказание о Чингисхане» носит децентрализованный характер: первая половина его занята очень самостоятельными, сильно изолированными эпизодами с различными предками Чингисхана; индивидуальный аромат эпизодов настолько силен, что порой невольно забываешь про их привязанность к какому-тоциальному сюжету, что они — только доистория главной темы. Вторая половина «Сказания», правда, целиком связана с личностью Чингисхана, но ее отдельные эпизоды, можно сказать, лишь сцеплены между собой динамикой рассказа, нанизаны, как бусы на нитку: вынешь нитку, и они покатятся в разные стороны.

Перед нами, таким образом, выкованная по тематике «Джангирады» цепь из сказочных рассказов (в преобладающем числе) и из легендарных и окутанных легендарной дымкой эпизодов (в меньшей степени) о предках Чингисхана, об обстоятельствах его рождения, молодости, об избрании ханом и о его ближайших соратниках-биях.

Сказание об Аксак-Темире (Хромце Железном) более централизовано, скжато в более крепкий узел около личности Аксак-Темира: он нигде и никогда не остается в забвении, в тени. Здесь легенды и легендарные рассказы преобладают над сказками и сказочными мотивами, здесь больше реальных сюжетов, лишь вставленных в рамки легенды. Аретологическая мантия покрывает сплошь «Сказание» и придает известную цельность и стройность теме о джехангире.



Османский
султан
Баязид I
Молниеносный
перед
Тамерланом.

Гравюра XIX в.

Баязид (1357–1403), сын правителя Османской империи Мурада I, стал султаном 15 июня 1389 г., в день, когда его отец был убит сербским князем Милошем Обиличем в Битве на Косовом поле. Именно Баязид «внедрил практику» братоубийства в османской династии, отдав приказ задушить своего старшего брата Якуба, пока тот находился в Анатолии и еще не знал о смерти отца.

Импульсивный и непредсказуемый, Баязид мало заботился о государственных делах, отдавая их на откуп своим сторонникам и вассалам. Делом его жизни была война.

Талантливый полководец, Баязид, прозванный Молниеносным за скорость перемещения его войск, за время своего правления расширил владения Османской империи более чем вдвое.

Он не знал поражений на поле битвы, пока в июле 1402 г. его армия не встретилась с войском Тамерлана в битве при Ангоре (Анкаре). Турецкая армия была разбита, Баязид пытался бежать, но был схвачен и доставлен к Тамерлану. В плenу у Тамерлана, который повсюду возил Баязида за собой в зарешеченном паланкине, подвергая всяческим унижениям, полководец скончался в 1403 г.

Вопрос о художественной ценности «Богатырских сказаний» не представляет больших затруднений. Изобразительность изложения достигается прежде всего частым многообразным применением диалогов. Особенно богато ими «Сказание о Чингисхане», в своей «языческой» части почти сплошь слепленное из диалогов (тире отделяют составные части данного диалога):

1. Гулямалик — Уртхан.
2. Алтын-хан — Курляуш.
3. Тумакул-Мерген — Шяба-Сокур.
4. Гулямалик — Тумакул (перед совокуплением).
5. Гулямалик — Тумакул (после рождения младших сыновей).
6. Бодентай и Болектай — народ-беглец.
7. Бии — Чингисхан.
8. Бортакшин — Чингисхан.

Тут диалоги не надуманы, естественно развиты, многосторонни, сильных темпов и очень удачно отображают свою тематику. «Сказание», словно живое существо, буквально дышит ими!..

Меньше диалогов в «Сказании об Аксак-Темире»:

1. Аксак-Темир — сверстники-мальчики.
2. Старики — мальчишки.
3. Джудай-хан Индустанский — разбойники Аксак-Темира.
4. Аксак-Темир — посол Шах-Султана под Стамбулом.
5. Аксак-Темир — народ Бараж.
6. Аксак-Темир — ханы урочища Кыйа.

Они занимают здесь меньше пространства и частью (особенно первые три) характером схожи с диалогами первого «Сказания», а частью носят несколько искусственный, как бы надуманный, книжный характер; оттого-то «Сказание об Аксак-Темире» во второй своей части не так живо, не так красиво по своему общему колориту.

Далее, изобразительность обусловлена блестящим спектром художественных образов. Диапазон их тематики — могуч; здесь то «мир Аллахов» (широкое пространство, озаряемое днем лучами солнца, ночью — светом месяца), то чарующая природа (речка, гора, пустынность, тишина, неясный шорох), то красота неописанная, мужская и женская, то дела рук человеческих (сорокасаженный темный дворец, куда днем не проникают лучи солнца, а ночью — лунный свет; золотой корабль без выходов с забеременевшей от солнца ханской дочкой, ее прислужницами, голубками и попугаями, блуждающий по необъятному морю), то мир звериный (медведи рычат, львы ревут), то человеческое убранство (у Чингисхана и Бортакшин) и много другого...

Еще любопытнее ряд зашифрованных в эти образы мотивов и сюжетов, интересна скрытая в них, влекущая к себе магическая сила.

На первом месте образы героя и героини, окруженные многоцветными предикатами: таинственным рождением, неописанной красотой, сверхъестественной силой, удальством и хитростью, необыкновенной удачливостью, жестокостью, но и великодушием, непосредственностью, пылким умом,— олицетворение человеческого идеала у кочевников, жителей вольных степей.

С героем непосредственно связана символика творческого производительного процесса (у писаной красавицы Гулямалик-Курукти) и полового акта (луч солнца проникает в абсолютно темный дворец и производит оплодотворение заключенной там красавицы девицы).

Дальше следуют характерные для героя мотивы добывания, умыкания, приобретения, захвата, расширения в двух вариантах: 1) умыкание девицы и 2) добывание ценного приза.

Для первого варианта характерно добывание Гулямалик-Курукти из золотого корабля при помощи стрел остроконечных, для второго — добывание Чингисхана биями, добывание Стамбула Аксак-Темиром, добывание первенства в состязании Аксак-Темира с мальчишками. Сверхъестественную хитрость героя выражает мотив оборотничества: появление Дуюн-Баяна после смерти в образе света и волка величиной с лошадь; Аксак-Темир притворяется больным у Стамбула; метаморфоза разбойников в купцов.

С хитростью гармонируют чудесные талисманы — главные орудия героя в его добывании, таковы стрелы Тумакул-Мергена, попадающие на золотой корабль Гулямалик-Курукти, перстень Алангу с печатью у Майкы-бия для добывания Чингисхана и т. д.

Иногда герой выступает в качестве младшего сына в семье, которого мать любит больше всех детей, которому то и дело бабушка ворожит; вот, например, эпизод со спором сыновей Алангу о драгоценном золотом луке, причем лук преисправно достается самому младшему сыну, Чингису.

Героя и его окружение, его действия одевают *магические числа*:

- *три* (три старших сына Алангу; три стража, приставленных к Алангу);
- *четыре* (четыре сына и четыре дочери Ноя; четверо убитых биев; четверо мальчиков, спрятанных у Бортакшин);
- *семь* (семь провожатых Бодентая и Болектая);
- *сорок* (сорок служанок — сверстниц Гулямалик-Курукти; сорок голубок и попугаев; сорок сверстников Тумакул-Мергена).

Нужно еще остановиться на гиперbole и сравнении в «Богатырских сказаниях».

Гипербола — самый любимый прием автора, особенно когда дело касается непосредственного окружения героя или героини. Вот несколько примеров:

1. Красота Гулямалик-Курукти дана в гиперболической форме ее магического воздействия на природу.
2. *Сорокасаженные* косы Бортакшин.
3. Число воинов Аксак-Темира: *один Аллах его ведает*; Мать Сыра Земля *дрожит*, когда его полчища двигаются.
4. Аксак-Темир у Владимира схватил жеребенка и бросил в сторону города; брошенный жеребенок сломал каменную башню и упал за версту.
5. «Избавлю тебя от ста смертей», — говорит Чингисхан красавице Бортакшин.

Гипербола является наилучшим равноценным выражением идеала, заостряет внимание читателя на беспредельных возможностях героя; она придает и особую силу другому любимому приему автора — сравнению. Вот несколько примеров.

1. *Люди, что дьяволы.*
2. *Сердце — обширное, как море.*
3. *По красоте похож на Джабраила* (Гавриила) и т. д.

Характерно, что тут не только гипертрофия образа, с которым сравнивают, но и само сравнение построено на ином базисе, чем в «Автобиографии»: здесь сравнения исходят из конкретного и знакомого, чтобы прийти к отвлеченному и неведомому, от людей — к дьяволу, от сердца — к морю, от человека — к ангелу, а там, в «Автобиографии», от идеи власти нисходили к палатке, от мира — к золотому сундуку и т. д.

И гипербола и сравнение одинаково утверждают здесь, как и в «Автобиографии», непрестанную диалектическую динамичность художественных образов! Литературно-художественная морфология «Сказаний» есть результат очень своеобразной реакции человеческих масс на травму, нанесенную появлением в феодальной среде реальных джехангиров. «Аксак-Темир перевернул все вверх дном; оттого-то и слава о нем сохранилась до наших времен» — такими словами заканчивает автор свое «Сказание».

Прав ли старинный автор в своей оценке джехангира, пусть покажет перевод «Автобиографии Тимура» и «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)».

В. Панов

Автобиография Тимура*

По своему строению «Автобиография» распадается на две части. Первая – меньшая по размерам – служит как бы введением к настоящей «Автобиографии». В самом начале дан обширный трактат об идеальном правителе народа (двенадцать моральных принципов Тимура); потом следуют размышления о природе власти правителя; все остальное пространство первой части занимает блестящий спектр магических цветов, осеняющих голову Тимура как идеального правителя, как человека, которому удивительными судьбами вручена непонятная власть над миром и бесчисленным множеством людей.

Вторая часть – собственно автобиография, погодный рассказ (по возрастным датам героя, начиная с семилетнего возраста и до тридцати девяти лет, где обрывается наша рукопись и наш рассказ) о событиях реальной жизни Тимура.

Здесь можно уловить такие группы важнейших событий:

- 1) Тимур получает образование.
- 2) Генеалогия Тимура.
- 3) Устройство хозяйства.
- 4) Тимур – вассал амира Казгана.
- 5) После смерти Казгана Тимур, как один из триумвиров-амиров, владеет Самаркандом и делает попытки приобрести весь Мавераннахр.
- 6) Нашествие хакана Туклук-Тимура из Джете в Мавераннахр, подчинение ему Тимура. Туклук-Тимур передает Тимуру власть над Мавераннахром.
- 7) Борьба Тимура с различными амирами Мавераннахра; для завершения борьбы Тимур призывает на помощь хакана Туклук-Тимура, который истребляет феодалов Мавераннахра.
- 8) Туклук-Тимур передает завоеванную власть своему сыну Ильяс-Ходже. Опала на Тимура. Его бегство из Самарканда.

* Перевод В. А. Панова. Первый русский перевод с этой рукописи был сделан Нилом Лыкошиным, под заглавием «Автобиография Тамерлана (родился в 1333 г., умер в 1405 г.)», Ташкент, 1894. В основу настоящего перевода «Автобиографии Тимура» положена тюркская рукопись, найденная в Бухаре и представляющая собой перевод с персидского, сделанный Наби-джан-Хатыфом в 1251 г. хиджры (1835 г. н.э.).

- 9) Приключения Тимура во время его скитаний у туркмен, в Кандагаре и Сеистане.
- 10) Тимур собирает военные силы своих союзников и вассалов в долине Арсаф для борьбы с Ильяс-Ходжой.
- 11) Борьба Тимура с амирами и богадурами Джете.
- 12) Борьба Тимура с амиром Хусайном, кончая примирением на мазаре Али-ата.

На этом примирении Тимура с амиром Хусайном прерывается рукопись с его автобиографией. В противоположность первой части, морально-политическим трактатам и пестрой амальгаме магических рассказов, собственно автобиография насыщена трезвым содержанием изумительно богатой подвигами и приключениями жизни «великого амира». Элементы мистики и магии, выделенные в первую часть, здесь даны в сравнительно скромных дозах: исчезает резкая диспропорция между обыденно-реальным и сказочным; живет и действует крупная реальная личность; ее подвиги – куда фантастичнее, чем сны и гадания.

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!*

Пусть знают все мои рожденные в счастье дети, исполненные могущества родные, султаны, амиры и визири, что Аллах своей волей поставил меня паstryрем народов, венчал меня на царство, укрепил мой трон. Так мне послано Аллахом в награду за двенадцать качеств моего характера.

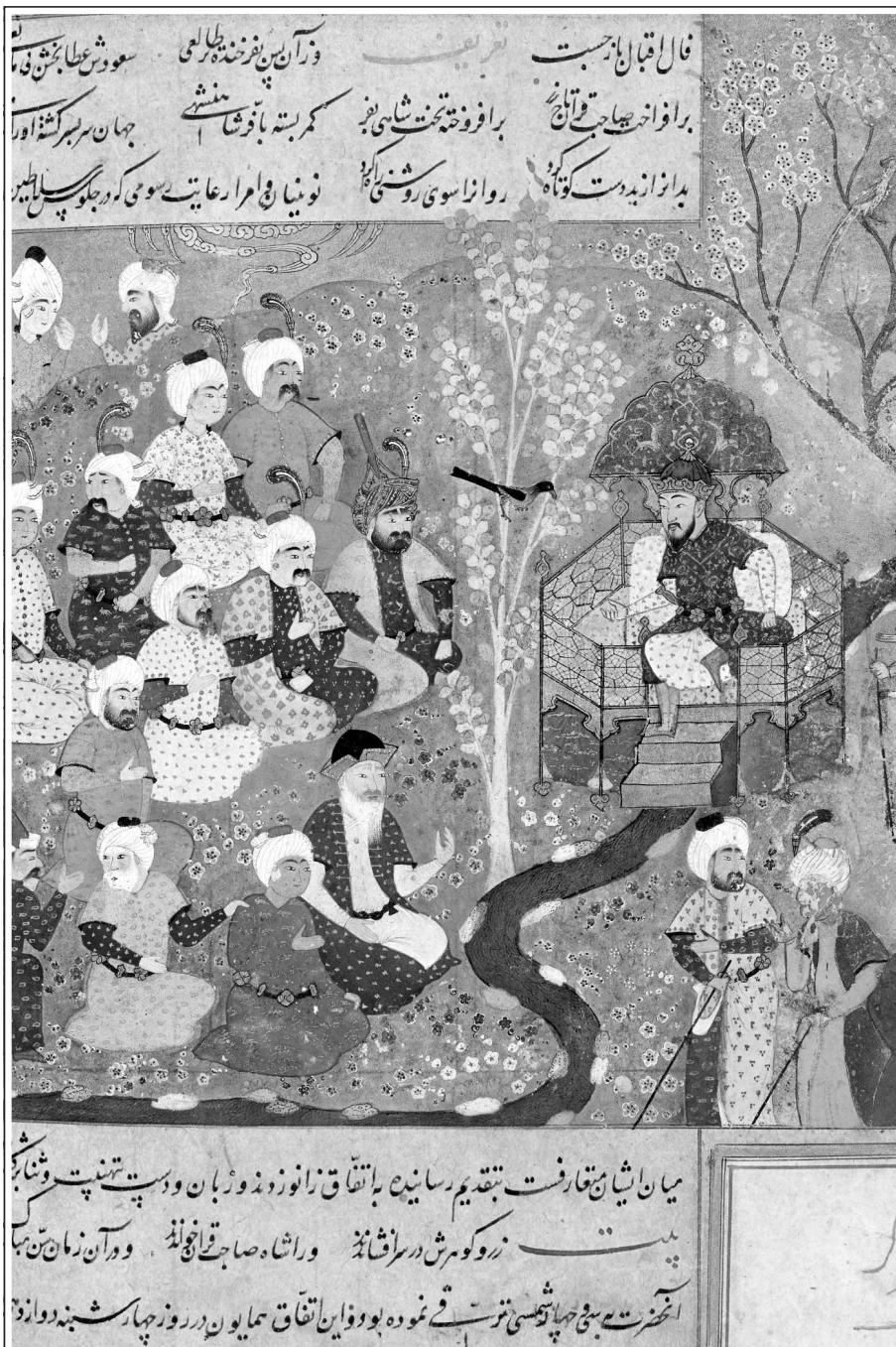
В перечислении круга лиц, для которых назначена «Автобиография» Тимура и, в частности, «Трактат об идеальном правителе», на первом месте поставлены «дети» и «родственники», т. е. подчеркнута глубокая важность и нерушимость родственных уз; род был основной ячейкой, на которой держалось здание феодально-племенного общества в эпоху Тимура; родственные связи являлись основной скрепой, цементом,— вот почему Тимур ставит на первое место родичей.

На втором месте стоят высшие амиры, крупные феодалы, наподобие планет окружавшие центральное светило великой политической системы, созданной Тимуром.

Амир, или эмир (буквально: «вождь», «полководец»),— в «Автобиографии» употребляется для обозначения крупных феодалов, служивших Тимуру и другим феодалам-сюзеренам в качестве предводителей отдельных отрядов, правителей-комендантов городов и крепостей, составлявших совет своего повелителя, владельцев отдельных местностей и большого движимого имущества (рабов, коней, верблюдов, овец и т. д.).

Визирь (буквально: «носильщик тяжестей») — носильщик тяжестей управления, первый министр.

* «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!» — формула, предваряющая все «сурь» (главы) Корана (см. стр. 42), кроме IX; этой формулой начинается и всякая книга «муслимов» («правоверных»).



Тимур на троне в окружении придворных.

Миниатюра из сочинения «Зафар-наме» («Книга Побед»). 1533 г.

[Двенадцать моральных качеств Тимура*]**

По существу не так уж важно, со слов ли Тимура написан трактат о правителе, или его составил потом какой-либо улем — ученый богослов «правоверных». Интересен руководящий стержень вводного ко всей «Автобиографии» эпизода, определяющего ее содержание.

Во главу угла положена идея очень высокой, очень большой власти; мелкие, раздробленные феодальные мирки с их интригами, мелкими расприями и войнами, мимолетными союзами, хрупкие, эфемерные,— где-то очень далеко, под горизонтом, исчезли из настойчивой и обязательной реальной жизни. Нужны очень крупные масштабы, какой-то большой фундамент, чтобы на нем выросла идея «пастыря народов», идея подчинения ему всех частей мира.

Такая необъятная власть окружена в глазах массы магическим ореолом: как может один человек владеть всем миром, как могут подчиняться воле одного воли мириад? Вопрос требовал настойчивого разрешения у пытливых слоев общества, пораженных несказанным величием одного властелина.

У автора морально-магический подход к решению поставленной задачи. Тимур своим величием всецело обязан двенадцати присущим ему моральным качествам. Что это за качества?

Первое — беспристрастное, одинаковое отношение ко всем классам общества — «богатым и бедным», говоря более реальным языком, внеклассовый и надклассовый характер власти правителя.

Второе — строгое, неуклонное хранение заветов ислама: правитель поддерживает ислам, а ислам поддерживает его.

Третье — милостыня бедным. Выдвинута идея широкой государственной благотворительности неимущим слоям населения, владыка мира — щедрый попечитель обделенных на жизненном пиру людей.

Четвертое — высший закон для правителя — общее благо: идея просвещенного деспотизма.

Пятое — примат религиозных дел над мирскими, житейскими. Своеобразное сочетание противоположностей, характерное для средневековья и западного, и восточного,— сочетание «презрения к миру» и стремления к абсолютной власти над этим миром,— яркая восточная параллель к понтификату таких личностей, как Григорий VII и особенно Иннокентий III.

Шестое — правитель — духовный меч Аллахов, карающий всю людскую неправду, высший судья в человеческом обществе, опять-таки внеклассовый и надклассовый арбитр.

Седьмое — в противоположность коварству, лицемерию, обману мелких феодалов, владыка мира — олицетворение правды, неуклонный хранитель своих обещаний, чести, своих слов, когда-либо и где-либо сказанных.

Восьмое — отсутствие корысти к имуществу подвластных людей, широкая щедрость владыки, не знающего пределов своим материальным ресурсам.

* Трактат об идеальном правителе («пастыре народа»).

** Здесь и далее в квадратных скобках даны необходимые дополнения к старинному тексту; в круглых — пояснения к нему.

Девятое и десятое – вера и величие правителя рождены как бы из одного чрева; правитель, распространяя ислам, тем самым увеличивает свое могущество; идея тесного союза владыки мира и ислама.

Одиннадцатое – духовные лица занимают первые места в верховном совете правителя мира; их совет – первый, главный момент в решениях правителя.

Двенадцатое – жизненный путь великого правителя освещен двумя свечами – беспристрастия и милости: «правда и милость да царствуют везде и всегда во владениях правителя мира».

Кто владеет этими ключами, тому по праву принадлежит власть над целым миром, над мириадами людей, того называют джехангиром.

* * *

Двенадцать моральных качеств Тимура всецело основаны на «ветвях» ислама; вся «Автобиография» построена так, чтобы представить в реальном воплощении идеальные требования ислама.

Ислам (буквально: «подчинение, предание воле другого») – предание себя воле Аллаха. «Религия Аллаха есть ислам» (*Коран, III сура, 17 аят*) – одна из мировых религий, ведущая начало со времен Мухаммеда (около 570–632 гг. н. э.).

I. Пять столпов («рук») ислама: 1) Исповедание веры: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его». 2) Пятикратная молитва («салат», «намаз»). 3) Милостыня («закят»). 4) Пост («саум») в священном месяце Рамадане. 5) Паломничество («хадж») в Мекку.

II. Двадцать «ветвей» ислама: 1) Строго соблюдать учение Корана. 2) Сообразоваться с преданием и устным учением посланника Аллаха, Мухаммеда. 3) Никогда не делать несправедливости. 4) Употреблять лишь дозволенную пищу. 5) Никогда не употреблять запрещенной пищи. 6) Наказывать злоумышленников, чтобы не усиливать злых путем снисходительности добрых. 7) Раскаиваться в своих дурных поступках. 8) Основательно изучать дело веры. 9) Делать добро даже и врагам. 10) Быть скромным в жизни. 11) Помогать служителям Аллаха. 12) Избегать перемен и нововведений. 13) Выказывать мужество в несчастье и твердость в испытаниях. 14) Прощать, когда мы сильны и властны. 15) Быть терпеливыми в несчастье. 16) Познавать Аллаха. 17) Познавать Мухаммеда, посланника Аллаха. 18) Противиться внушениям шайтана. 19) Противиться страстиям и дурным побуждениям. 20) Предаться всецело служению Аллаху с полным доверием и полною покорностью.

III. Шесть благочестивых деяний: 1) молитва; 2) милостыня; 3) паломничество; 4) борьба против дурных побуждений; 5) борьба против всего противоречащего Корану; 6) священная война («джихад»).

Первое. Всегда я считал беспристрастие первым своим качеством: и к бедным и к богатым безразлично относился, всегда с одинаковой справедливостью и строгостью.

Второе. Всегда строго хранил ислам, всегда чтил и уважал людей, которых возвеличил своей милостью Аллах.



Страница
из Корана.
Эпоха
Тимуридов.
Около
1350—1420 гг.

Третье. Всегда щедро раздавал бедным милостыню, всегда с большим терпением разбирал всякое дело, всегда тщательно вникал во все обстоятельства дела.

Четвертое. Всегда старался делать всякое дело для блага подвластных мне народов, никому не делал зла без серьезных причин, не отгонял никого, кто обращался ко мне за помощью. Я твердо помнил слово Корана, что слуги Аллаха должны творить лишь одну его волю и от одного его принимать милости (Коран, XLII сура, 18 и 22 аят), и в течение всей своей жизни придерживался этих слов.

Пятое. Всегда предпочитал делать то, что касается ислама, прежде всего остального, что касается обыденной жизни; только закончив дела Аллаха, я принимался за дела обычные.

Шестое. Всегда старался я говорить правду, всегда отличал правду среди того, что мне говорили о жизни здешней и жизни будущей.

Однажды мне рассказали, как Аллах сотворил первого человека, Адама*; ангелы**, которые видели творение, стали роптать на Аллаха: якобы ничего не выйдет хорошего из создания человека; человек на земле непременно будет говорить ложь другим, не исполнять своих обещаний, убивать подобных себе людей,— словом, творить всяческие беззакония; Аллах непременно раскается в том, что создал человека. Аллах отвечал ангелам, что он давным-давно предвидел злобу и неправду людскую, что в свое время он пошлет людям меч, который будет карать всех злых и лживых и истребит всякую неправду.

Я так понял рассказ, что меч, карающий неправду, который Аллах посыпает людям,— это правители народов. Я потому и старался изо всех сил быть во всем справедливым и по правде поступать при любых обстоятельствах моей жизни.

Седьмое. Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если точно выполнять обещания, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла.

Восьмое. Всегда считал себя первым и самым ревностным слугой Аллаха, всегда творил волю Аллаха или его Посланника (Мухаммеда), без воли Аллаха не чинил вреда ни одному из народов этого мира. И знатным и незнатным я одинаково старался делать добро; я никогда не желал овладеть чужим имуществом, не думал о богатстве; не завидовал богатым. Поучительна судьба амира Хусайна***, жадного до добра подвластных ему людей, он и погиб из-за своей жадности.

Девятое. Всегда старался в точности исполнять веления Аллаха и следовать откровениям его Посланника, в своих делах я руководствовался

* См., между прочим, Коран, II сура, 28 аят: «Когда Аллах сказал ангелам: “Я на земле хочу поселить помощника себе”, ангелы ответили: “Поселишь ли ты на земле существо, которое произведет непорядок и прольет кровь в то время, когда мы будем прославлять тебя хвалами и беспрестанно воспевать и превозносить твою святость?” Аллах ответил ангелам: “Я знаю то, чего не знаете вы”».

** Ангелы, по словам Корана,— духи, вестники Аллаха, имеющие два, четыре, а иногда и множество пар крыльев (*XXXV сура, 1 аят*), носят престол Аллахов (*LXIX сура, 17 аят*), являются заступниками за людей (*XI сура, 7 аят*), являются на помощь «правоверным» (*III сура, 120 аят*); они — хранители каждого человека (*VI сура, 6 аят*); умрут, подобно людям, перед днем последнего, Страшного суда (*XXXIX сура, 68 аят*); последним должен умереть Азраил, ангел смерти; потом будут все воскрешены.

*** Амир Хусайн был родственником Тимура, который был женат на его сестре, Аль-Джой Туркан-аге, внучке амира Казгана. В «Автобиографии» Хусайн появляется непрерывно в качестве то союзника, то врага Тимура.

исключительно указаниями шариата* и всегда уклонялся от дурного. Посланник Аллаха и муслимы** были моими единственными и наилучшими друзьями.

Десятое. Всегда старался высоко поднять во вселенной знамя ислама: я слышал, что правая вера и великная власть рождены как бы из одного чрева, что только та власть сильна, которая основана на правой вере, поэтому в распространении ислама я видел прочное основание своего величия в мире.

Однинадцатое. Всегда относился с великим уважением к сайидам, почитал улемов и шейхов; всех их я неизменно призывал в свой совет, внимательно выслушивал их указания по делам веры и исполнял их советы. Народ меня особенно любил за это.

К этим лицам, облеченым особыми дарами Аллаха и его Посланника, я старался относиться так же, как это делал царь Константин***.

Сайид (буквально: «начальник», «господин») – до Мухаммеда так назывались вожди отдельных арабских племен; после Мухаммеда – его потомки от дочери Фатимы; они составляли как бы обособленную каству среди остального населения, были освобождены от телесного наказания, имели право заступничества за обиженных перед властями, носили чалму зеленого цвета, любимого Мухаммедом. Обыкновенно сайиды не роднились с посторонними; монгольские ханы, женясь на сайидках, обыкновенно сами принимали название сайидов.

Улемы (от *alim* – «ученый») – ученые-богословы, толкователи Корана, учителя Корана, знатоки религиозно-юридических норм Корана; из рядов улемов выбирались кади (судьи) и муфтии (знатоки права).

Шейх (буквально: «старец») – до Мухаммеда так назывался вождь арабского племени, достигший полной зрелости возраста; после Мухаммеда – глава духовного ордена «правоверных», вообще духовный руководитель.

* Шариат (буквально: «путь к спасению») – религиозно-нравственный кодекс «правоверных»; его основы: 1) Коран; 2) Сунна (собрание преданий о жизни Мухаммеда) и хадисы (отдельные сказания о Мухаммеде и его изречения, не вошедшие в Коран, записанные из уст людей, которые слышали их от современников Мухаммеда или их потомков; имена лиц, преимущественно сохранивших хадисы, точно в них указаны); 3) Иджма – согласие старых духовных авторитетов; 4) Кыяс (буквально: «аналогия») – логическая очевидность.

** Муслимы (буквально: «предавшие себя воле Аллаха») – «правоверные», служители религии, возникшей во времена Мухаммеда, – ислама.

*** Константин – образ идеального царя, списанный, возможно, с Константина Великого, римского императора первой половины IV века н. э.; исторический образ Константина в «Автобиографии» существенно изменен: Константин, конечно, не мог мыслить как последователь шариата.

Царь Константин однажды собрал воинов и двинулся войной на султана Рай*. По пути Константин узнает, что в совете султана принимают большое участие сайиды, улемы и шейхи; как только весть дошла до царя, он немедленно со своими воинами повернулся обратно и совершенно отказался от мысли завоевать Рай. Своим визирам и амировам царь так объяснил, что одна священная книга утверждает великую важность присутствия высоких духовных лиц в совете царя: «Если в совете царя заседают духовные лица, никто не в силах победить этого царя». Константин писал с пути султану Рай, что его правление подобно правлению хакана**; поэтому-то он и раздумал идти войной на правителя, которого не в силах одолеть.

В правление Тимура собирались советы: а) племени; б) амиров; в) «пастыря народов» Тимура.

Совет племени слагался из старейших и именитых членов племени, зорко следивших за поведением сайдов своего племени; сайд должен был всегда волей-неволей считаться с родными и сторонниками прежних сайдов, с властью колдунов, гадателей и знахарей; военная доблесть сайда была ограничена, таким образом, родовыми начальниками и служителями магии.

Совет амиров — из всех вассалов крупного феодала, включая и крупнейших богадуров-рыцарей по важнейшим, преимущественно военным делам; советы происходили накануне длительных военных операций или же перед началом боя, перед решающим штурмом крепости.

Совет «пастыря народов» состоял, помимо сыновей, внуков и других родных, из министров, подвластных султанов, сайдов и важнейших духовных лиц: шейхов и улемов. Вокруг трона сидели сыновья и другие родственники Тимура, по правую от трона руку — сайиды, шейхи, улемы, по левую — султаны и амиры, напротив — министры.

Двенадцатое. Всегда милостиво относился к юродивым***, не имевшим пристанища, людям самого низкого положения; я всячески старался помочь им. Я был всегда снисходительным к правоверным, не наказывал строго за малую вину. К сайидам всегда относился с великим уважением; я избегал слушать людей, которые говорят ложь.

Я слышал: слава великих правителей рождается от милостивого отношения к подвластным людям; в Коране сказано, что если правитель простит одного виновного, он таким образом окажет милость всем под-

* Рай — старинный город в Персии в 10 километрах к юго-востоку от теперешнего Тегерана; захвачен арабами в 641 г. н. э. при Омаре; был резиденцией сельджукских султанов, Эль-Тогрула и Альп-Арслана; разрушен монголами при Чингисхане в 1221 г.

** Хакан — царь царей, великий хан; этот титул носил Чингисхан и его преемники; в переносном смысле этот титул распространялся на всех выдающихся правителей.

*** Юродивые — люди, отрекшиеся от всяких земных благ и привязанностей, блаженные, неимущие; пользовались великим уважением народных масс; перед ними заискивали и «пастыри народов».

властным ему людям; во всех своих делах я следовал примеру милостивых правителей.

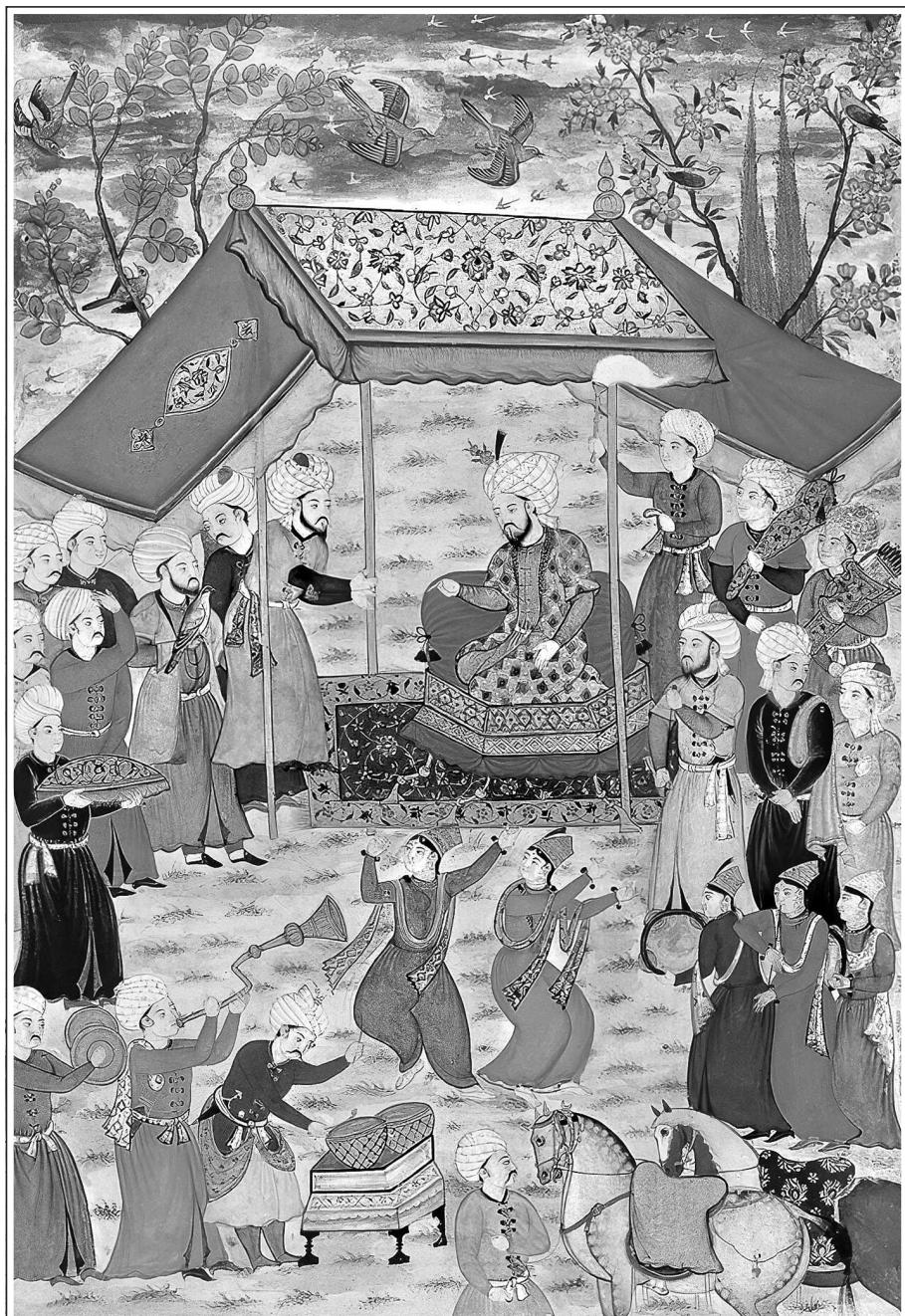
Я слышал: если Аллах пошлет кому-либо великую власть, то могущество владыки возрастет еще больше, если он будет справедлив и милостив во всех своих делах; могущество владыки, наоборот, быстро придет в умаление, если он уклонится на путь несправедливости и жестокости. И вот, чтобы поддержать и укрепить свое могущество, я взял в одну руку светоч справедливости, а в другую — светоч милосердия и этими двумя светочами непрерывно освещал путь своей жизни, всегда во всяких делах стараясь быть справедливым и милостивым.

Я выбрал себе четырех министров, справедливых и милостивых; из них главные: Махмуд-шах Хорасанский и Наср-эд-дин Махмуд-уль-Ара-Мыр. Я приказал им всегда следить за моими поступками и останавливать меня всякий раз, когда я буду несправедливым, буду верить словам лжи или буду посягать на чужое добро.

Я слышал: если Аллах посыпает великую власть, то оказывает тем самым великую милость; эта милость налагает на владыку обязанность всегда и всюду быть справедливым и милостивым. Когда я сделался великим правителем, я всегда помнил это и старался всегда быть справедливым и милостивым.

Коран (буквально: «чтение», собственно — инфинитив глагола, означающего «читать») — собрание в форме одной цельной книги, священной для «правоверных», откровений, данных в разное время в Мекке и Медине посланнику Аллаха Мухаммеду; по-видимому, в устах самого Мухаммеда название «Коран» имело тот смысл, что он был прочитан ему свыше. Мухаммед обыкновенно проводил месяц Рамадан в уединении на горе Гира близ Мекки. Однажды ночью (это было в декабре 610 или январе 611 года христианской эры) Мухаммед, куда-то уходивший, вернулся и сказал своей жене Хадидже: «Я спал глубоким сном, когда мне явился во сне ангел, держа в руках исписанный кусок шелковой материи, и сказал: “Читай!” — “Что же я буду читать?” — спросил я. Он развернул кусок и повторил: “Читай”. Я повторил вопрос: “Что я буду читать?” Ангел ответил: “Читай во имя Господина твоего, который сотворил все. Который сотворил человека из загустевшей крови. Читай во имя Господина твоего, который всех щедрее. Это он научил человека пользоваться пером. Он научил человека тому, чего человек не знал” (Коран, XCVI сура, 1–5 аят). Я произнес эти слова за ангелом, и он удалился. Когда я проснулся и пошел на скат горы, то услышал над своей головой слова: “О Мухаммед, ты послан Аллахом, а я Джабраил”. Я поднял глаза и увидел ангела; я стоял неподвижно с обращенным к нему взором, покуда он не скрылся». Так начались откровения Аллаха Мухаммеду.

Коран — собрание рассказов, поучений, законов и т. д., собранных без всякого порядка, тем более хронологического. Откровения, занесенные в Коран, редко бывали длинны, чаще всего они состояли из нескольких стихов, которые записывались еще при жизни Мухаммеда или сохранялись просто в памяти,



Тимур принимает делегацию чагатайских туркмен в Балхе.

Миниатюра из сочинения «Зафар-наме» («Книга Побед»). Индия. XVII в.

потому что современники Мухаммеда имели замечательную память, свойственную народам, пишущим мало.

Мухаммед всякое откровение, которое представляло собой целое, называл сурой. Сура— слово еврейское, означает «ряд камней в стене», потом «строчка в письме или книге»; в Коране сура обозначает отдельную главу. Сура состоит из отдельных стихов — аятов, что буквально значит «знак», «знак небесного предостережения», «чудо», потому что каждый стих Корана содержит, как слово самого Аллаха, именно предостережение и чудо. В Коране всего 114 сур, из них 70 даны в Мекке, 44 — в Медине; кроме первой суры («эль-фатига»), очень небольшой по объему, имеющей особо магическое значение для правоверных,— суры расположены в Коране по своей величине в виде убывающей прогрессии от самых больших по размерам в начале до самых малых в конце.

Полного собрания стихов Корана во времена Мухаммеда не существовало. Впервые были собраны отрывки Корана в одно целое при первом халифе Абу-Бекре (632–634 гг. н. э.) по настоянию Омара. В 11 году хиджры в ожесточенном бою при Акрабе с «лжепророком» Мосейлимой погибли более шестисот сподвижников Мухаммеда («азгабов»), знаяших на память длинные отрывки из Корана. У Омара, близайшего сподвижника Мухаммеда, впоследствии второго халифа (634–644 г. н. э.), появилось опасение, что скоро совсем не останется в живых людей, слышавших от самого Мухаммеда откровения Корана. Он посоветовал Абу-Бекру собрать в одно целое все отрывки Корана. Абу-Бекр поручил собирание Корана ближайшему помощнику Мухаммеда, Зейд-ибн-Табиту.

Зейд-ибн-Табит нашел, что легче гору сдвинуть с места, чем выполнить такое поручение халифа. Под руководством Омара он собрал отрывки Корана, частью записанные на свитках бумаги или пергамента, на волокнистых членках пальмовых листьев, на камешках или костях, а частью — и это самая большая часть — сохранявшихся в памяти тех или иных «правоверных». Запись Зейд-ибн-Табита была предназначена только для частного пользования Абу-Бекра и Омара.

Среди «правоверных» обращались и другие варианты тех или иных отрывков Корана; на этой почве начались пререкания между войсками различных областей халифата. Третий халиф, Отман (644–656 гг.), решил ввести одну общую, официальную, обязательную для всех редакцию Корана. Зейд-ибн-Табиту было поручено составить эту, вторую, редакцию. Вторая редакция Корана есть единственно признанная редакция, потому что все остальные редакции халиф Отман распорядился уничтожить.

Коран был предметом бесчисленных толкований. Комментаторы распадаются на ряд отдельных школ и направлений, между которыми идут постоянные споры. Коран, по Нельдеке,— наиболее читаемая в мире книга; ее читают не только в мечети во время службы, но и постоянно дома или в пути; она также служит предметом, по которому гадают о будущем.

[Тимур размышляет о природе власти правителя]

С сильным войском я расположился у Эрзерума; войско заняло всю степь вокруг города. Я смотрел на своих воинов и думал:

«Я — один, сам по себе, кажется, не обладаю особенной силой.

Почему и все эти воины и каждый из них поодиночке всегда подчиняются моей воле, воле одного человека?

Если я прикажу им что-либо сделать, все немедленно будет сделано, как приказано».

Я принес благодарность Аллаху за то, что он дал мне такую славу среди своих рабов, и спрашивал улемов, которые были при мне, почему такое множество людей, которое окружает меня, беспрекословно подчиняется моей воле.

Улемы объясняли, что моя сила — в силе и воле Аллаха, что меня покрывает его величие; они привели священные слова, что если сам правитель во всех своих делах будет подчиняться справедливости, то и все подвластные ему люди будут в свою очередь подчиняться ему, а враги — трепетать перед ним. Преданность такому правителю со стороны подвластных ему людей легко объяснить их признательностью к его постоянной справедливости.

Размышление о природе власти правителя крайне интересно и самой постановкой вопроса, а также способами и формой его решения.

Как возможно, чтобы мириады людей беспрекословно и в точности повиновались воле одного человека, хотя этот один по внешности мало чем выделяется среди прочих людей?

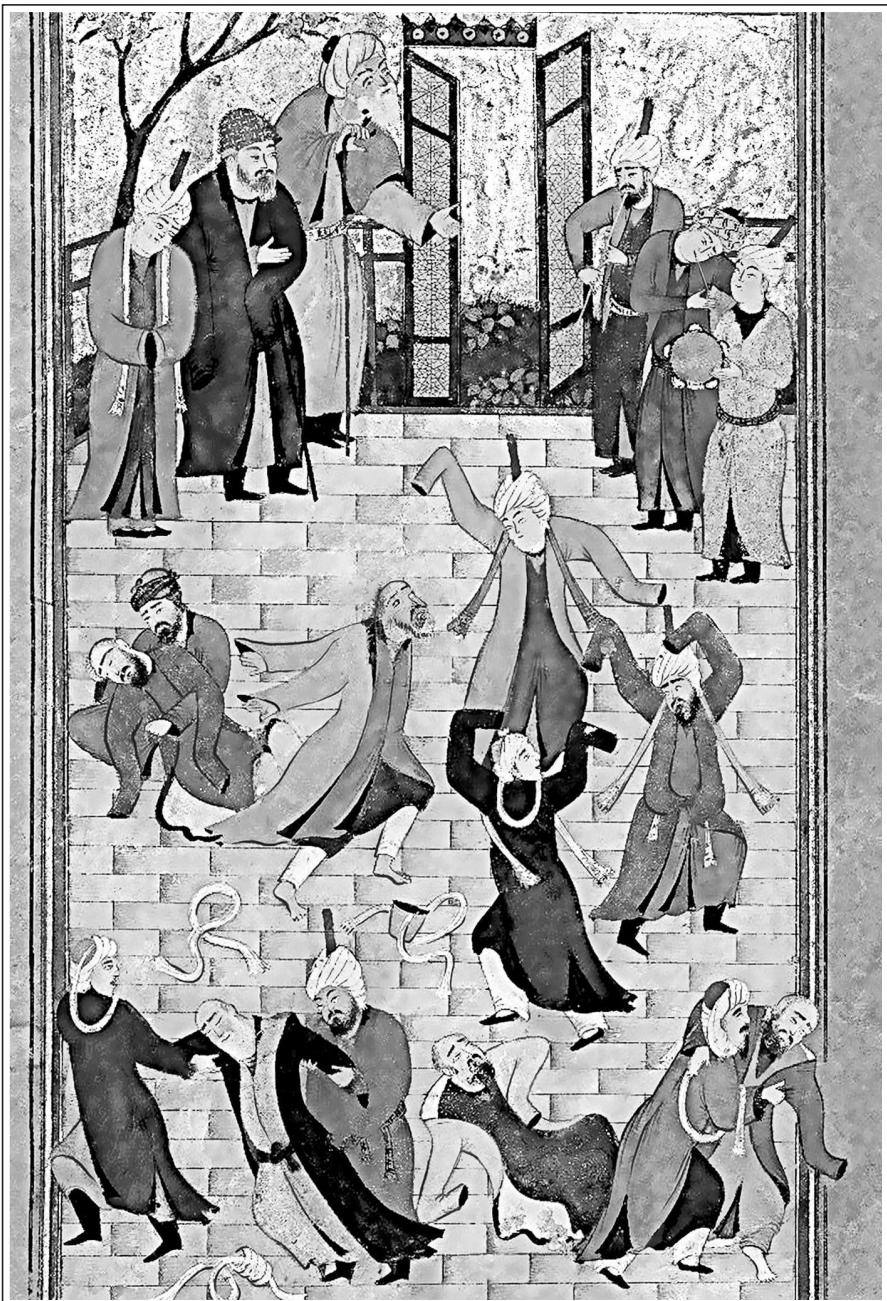
Элементы проблемы таковы: 1) один выделяется среди бесчисленного множества в качестве «героя» среди «толпы», в качестве властного центра среди пассивно повинующейся периферии; 2) координация этих двух основных элементов жизни носит безусловный характер, воля одного — *causa efficiens*, поступки множества — неизбежный результат какого-то закона, равнозначного законам природы; одним словом, проблема вытекает из количественной и одновременно качественной диспропорции между «одним» и «множеством».

В решение проблемы введен сверхъестественный момент: «один», неизмеримо ничтожный количественно перед «многими», неизмеримо велик качественно, как воплощение силы и воли Аллаха на земле, власть «одного» над «многими» своими последними корнями уходит в «мир тайн»; таким образом, проблема власти, исходя из противопоставления и координации «героя» и «толпы», находит свое решение исключительно в области магии.

[Шейх Зайн-эд-дин Абу-Бекр Тайабади]

Когда мне исполнился двадцать один год, я решился отправиться путешествовать. Я обратился за напутственным благословением к почтенному шейху Зайн-эд-дину Абу-Бекру Тайабади*.

* *Зайн-эд-дин Абу-Бекр Тайабади* (Тайабад — селение в Хорасане) — глава ордена суфияев, «правоверных»-отшельников, созерцателей и мистиков, духовный владыка, без которого даже такая провиденциальная личность, как Тимур, не решается сделать ни одного сколько-нибудь серьезного шага в своей сложной жизненной деятельности.



Сама суфиев. Танец кружящихся суфиев.

Миниатюра из сборника стихов поэта и суфийского мастера Хафиза Ширази. 1512 г.
Сама — разновидность зикра (поминания), включающая в себя пение, игру
на музыкальных инструментах, танец, декламацию стихов и молитв.

Среди стихов уроженца города Шираза Хафиза Ширази (ок. 1325–1389/1390), были и такие:

Когда красавицу Шираза своим кумиром изберу,
За родинку ее отдан я и Самарканд и Бухару.

Тамерлану это стихотворение было известно. Взяв Шираз, он приказал найти и привести к нему Хафиза. «Я всю жизнь украшаю и возвеличиваю Самарканд и Бухару,— сказал Тимур поэту,— а ты, несчастный, готов их отдать за родинку какой-то потаскхи?» Хафиз ответил, показывая на свой старый засаленный халат: «Из-за такой моей щедрости, о повелитель, я и пребываю в такой бедности». Тамерлан оценил находчивость поэта, рассмеялся, одарил поэта новым халатом и отпустил восвояси.

Шейх благословил меня на путешествие, препоясал меня поясом*, дал мне шапку** и вручил коралловое кольцо*** с надписью «Рости-расти», что значит:

«Если во всем будешь справедлив,
то всегда встретишь удачу».

Шейх пожелал мне всякого благополучия и удачи в пути и сказал об откровении, которое ему было относительно меня: — В мире есть человек, который во всем тебя поддерживает, называет тебя наибом**** Посланника Аллаха; теперь ты не можешь увидать его, но придет время, когда он сам взглянет на тебя взором, полным счастья.

(Далее старый шейх стал рассказывать мне из своей жизни.)

Совершенно неясно, где же кончается рассказ шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади и где возобновляется рассказ о подвигах Тимура. 806 год хиджры связывает эпизод о подвигах Тимура с рассказом, датированным 805 годом хиджры, но отнесенными как будто к шейху Заин-эд-дину с его далекими воспоминаниями о покорении Рума. Это — явный абсурд; рассказ шейха не приведен совсем, а весь эпизод относится целиком к Тимуру, только не к раннему периоду

* Препоясание поясом — магический символ передачи дарований и способностей от высшего к низшему; пояс, замкнутый круг, символизирующий вечность, окружает тело человека и таким образом приобщает его к вечности.

** Шапка, возложение шапки — также магический символ передачи власти через голову, центр души, от высшего к низшему; так, Чингисхан, надевая шапку на каждого из своих четырех сыновей, тем самым облекал их высшей властью хана в своих улусах.

*** Кольцо — также магический символ передачи высоких дарований, приобщения к высшей власти. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади передал Тимуру сразу три фетиша — пояс, шапку и кольцо, символизируя передачу ему очень больших и очень высоких дарований.

**** Наиб (буквально: «наместник») — заместитель посланника Аллаха (Мухаммеда) в мире, человек очень высоких духовных дарований. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади называет Тимура наибом Мухаммеда в знак его великого назначения — распространять ислам как среди «людей писания» (евреев и христиан), так и неверных — язычников.

его жизни (21 г.), а к предпоследнему (перед походом на Китай), после войн в Малой Азии (805—806 гг. хиджры, как раз 1403—404 гг. н. э., т. е. довольно точная датировка момента), когда Тимуру могло быть около семидесяти (семьдесят пять лет не так уже далеки от истины по отношению именно к Тимуру); весь эпизод следует озаглавить «Паломничество Тимура к кутб». Такая неясность — вполне в стиле первой части «Автобиографии», где при наличии общей тематики — постоянный переход от одного эпизода к другому.

[Паломничество Тимура к кутбу]

Когда мне исполнилось семьдесят пять лет от роду, в 805 году [хиджры], я овладел столицей Рума* и отправился к шейху Кутб**-уль-Арифину*** Садр-эд-дину Ардебильскому. Я хотел послужить какому-либо славному своей праведной жизнью подвижнику и просил шейха найти такое лицо, которому я мог бы служить. Шейх посоветовал мне отправиться в горы Шахлан, где в одном месте я должен был найти скалу и ключ, бивший из скалы попеременно то холодной, то горячей струей. Мне нужно было там, у ключа, терпеливо ожидать кутба, которому я должен был послужить; он должен был прийти к ключу, чтобы совершить омовение и молитву.

Молитва («салат», «намаз») у «правоверных» — пятикратная, т. е. совершается пять раз в течение суток: 1) *полуденная* (зухр), время которой наступает, когда солнце, достигнув высшей точки в своем течении, начинает клониться к закату, и продолжается до той поры, пока тень от предметов не станет равной их длине, присоединенной к той длине тени от предметов, которая имелась у них во время наступления молитвы; 2) *послеполуденная* (аср) — между полуденной молитвой и заходом солнца; 3) *вечерняя* (магрш) — совершается тотчас после заката солнца; 4) *ночная* (иша) — с исчезновением красной вечерней зари и до появления утренней на востоке и 5) *утренняя* (субх) — с появлением зари

* Рум — искаленное турками-сельджуками название государства *Romaeorum* (римлян), т. е. византийцев. Так же называлось и основанное самими турками-сельджуками государство в пределах Малой Азии. Вряд ли здесь может идти речь о столице Византии Константинополе; до 29 мая 1453 года, когда Константинополь был захвачен османскими турками под предводительством Мухаммеда II, ни один восточный владыка не захватывал этого важного города; или здесь может идти речь о столице Сельджукского государства, что едва ли вероятно, потому что государство сельджуков к этому времени перестало существовать; или под Румом и его столицей с большой натяжкой разумеется государство Баязида Молниеносного, которого сокрушил Тимур под Ангорой (Анкарой) в 1402 году; или вообще весь этот эпизод окрашен в густые легендарные цвета.

** Кутб (буквально: «звезда», «глава») — наименование у «правоверных» лиц, прославившихся святой, подвижнической жизнью.

*** Кутб-уль-Арифин — буквально: «звезда (глава) знающих».

и до восхода солнца. Время молитвы обыкновенно возвещается муэдзинами с минаретов мечетей; молитва совершается там, где «правоверного» застает «казан» — возвращение. Молитва предполагает необходимые приготовления: 1) необходимо очистить свое тело установленными омовениями; 2) облечься в безукоризненно чистые одежды; 3) выбрать чистое место для молитвы; 4) закрыть часть тела между пупком и коленями; 5) иметь чистые намерения; 6) «киблой» (местом, куда обращаются на молитве) иметь Каабу, дом Аллаха, воздвигнутый в Мекке Ибрахимом (Авраамом).

Омовение является ключом для молитвы, а ключом омовения — магическая формула: «Во имя Аллаха милосердного и милостивого!»

Предписания Корана относительно омовения: «О верующие! Когда вы собираетесь совершать молитву, вымойте лицо и руки до локтя, вытрите голову и ноги до пяток; очищайтесь после совокупления с вашими женами, а когда вы больны или когда вы в дороге выполнили потребности природы или имели совокупление с женщинами, то, если не найдете воды, отрите лицо и руки мелким и чистым песком. Аллах не хочет налагать на вас никакого бремени, но хочет сделать вас чистыми». (*Коран, V сура, 8 и 9 аят*).

Омовение, называемое «тайамум» — очищение песком и пылью, — допускается в семи случаях: 1) недостаток воды; 2) опасение истощить запас воды; 3) потребность в этой воде для питья; 4) опасение потерять часть ее при переноске; 5) болезни, не терпящие употребления воды; 6) переломы, требующие спокойствия для их сращения; 7) раны, к которым не следует прикасаться.

Я повиновался словам шейха Садр-эд-дина, немедленно отправился в указанное место, нашел ключ и стал ждать прихода кутба, которому должен был служить. Рано утром к ключу подошел какой-то человек, совершил омовение и стал молиться. Я подошел к этому человеку и, к великому удивлению, узнал в нем своего собственного конюха. Три дня я видел, как этот человек подходил к ключу и совершал там молитву.

На третий день, чтобы избавиться от сомнения, которое меня мучило все эти дни, я решил заговорить с ним:

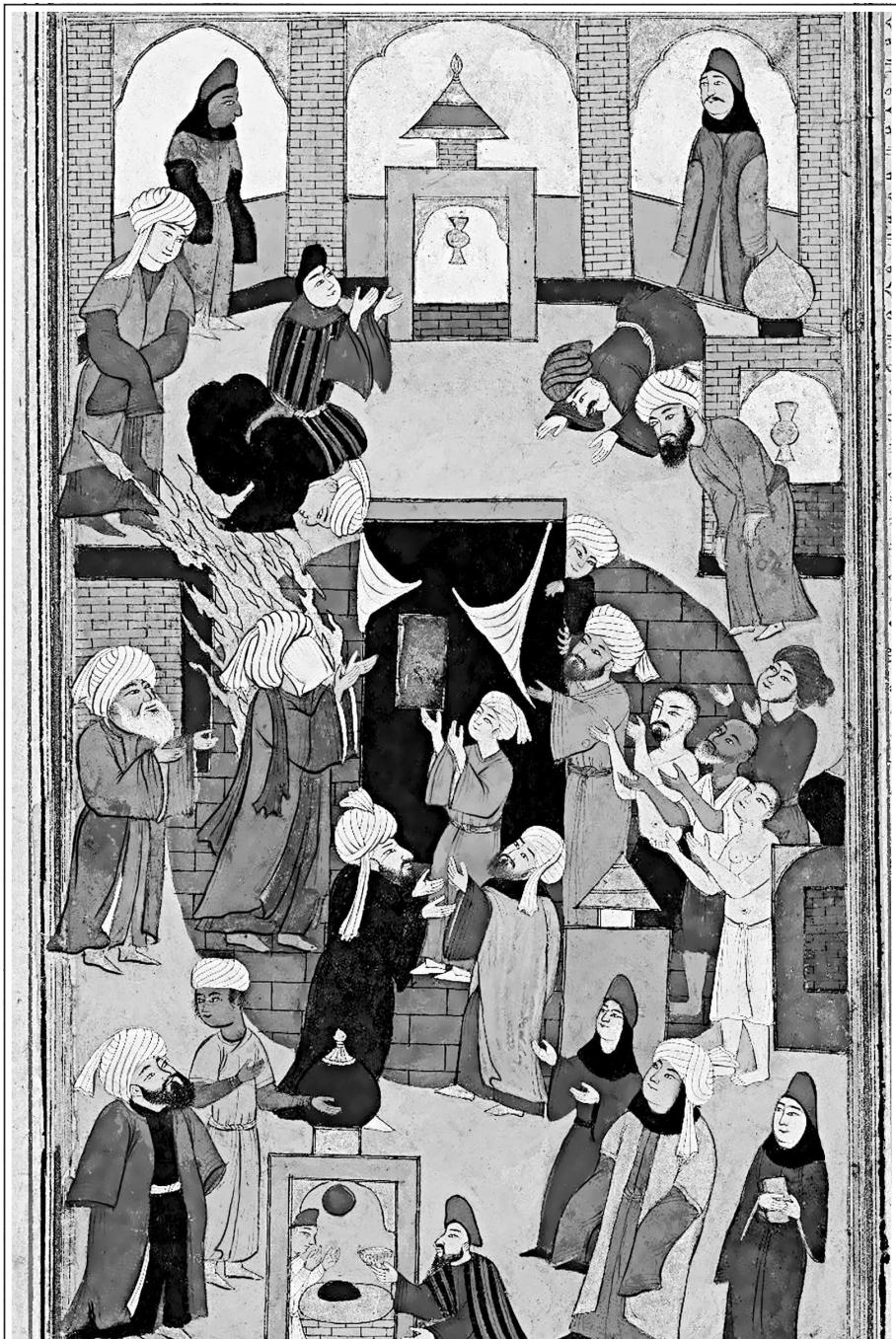
— Сайд-Али-ата! Между своими слугами я считал тебя самым плохим и только теперь узнал, какое высокое положение ты занимаешь; решаюсь просить тебя: объясни мне, каким образом ты достиг высшего и почетнейшего звания?

— В самом начале твоего правления кутб-уль-актаб* велел мне помочь тебе; я исполнил его повеление.

Мы оба совершили омовение, и затем Сайд-Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру.

Молитва доставила мне великое наслаждение. После молитвы кутб сказал мне:

* Кутб-уль-актаб — святой из святых, высший, недосягаемый глава, шейх, достигший высшей степени в познании божества.



Пророк Мухаммед молится у Священной Каабы.

Персидская миниатюра XVII в.

— Ты гость Аллаха, и поэтому во имя гостеприимства Аллах исполнит все, о чем ты теперь его попросишь.

Я стал просить утверждения в вере. Кутб ответил:

— Вера принадлежит Посланнику Аллаха; вера — город, вне которого некоторые говорят: «Нет Бога, кроме Аллаха», другие внутри его говорят: «Кроме Аллаха, нет Бога»; имя этого города баб-уль-абваб*, там обиталище того, кто произносит слова счастья: «Ля илляга-иль-Алагу, Мухаммед Расуль Улла» («Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Посланник Аллаха»).

После этого кутб начал снова класть поклоны, я последовал его примеру, а когда я поднял голову после поклона, увидал, что кутб умер.

В отчаянии я вернулся к шейху [Садр-эд-дину Ардебильскому] и подробно рассказал ему, что случилось со мной во время путешествия. Шейх сказал мне:

— Власть принадлежит только кутбу, наместнику Аллаха, который по приказанию кутб-уль-актаба оказывает помочь «великому амиру»; к нему после смерти кутба переходит вся власть. Власть Кайсара** поддерживал один служитель Аллаха, он исчез, и власть Кайсара перешла к тебе.

Слова почтенного [Кутб-уль-Арифина Садр-эд-дина Ардебильского] навели меня на мысль: «Теперь моя слава и величие достигли высшей степени, но и меня может постигнуть такая же участь». Впрочем, я надеялся, что мое место займет какой-нибудь справедливый правитель.

Чтобы угодить Аллаху, я отпустил на волю четыре тысячи пленных «румов»; кроме того, в 806 году [хиджры] я защитил Мавераннахр*** от набегов узбеков****, я прекратил разбои в этой стране.

* Баб-уль-абваб — ворота ворот.

** Кайсар (от Caesar — «император, царь») — речь идет, по-видимому, о византийском императоре; но Византии в ту пору, когда Тимур воевал в Передней Азии (конец XIV и начало XV века н. э.), можно сказать, уже почти не существовало; Тимуру приходилось бороться с грозным султаном османских турок, Баязидом Молниеносным, который железными руками охватывал жалкие обломки Византии около Константинополя. Перед нами или какая-то историческая несообразность, или подстановка Византии и Кайсара вместо Баязида Молниеносного и его державы к Европе и Азии, т. е. почтительная реминисценция Тимура о великой мировой державе прошлого; по понятиям Тимура, джехангирю настолько подобало бороться достойным образом только с джехангиром прошлого или же с таким претендентом на владычество в мире, каким был султан Баязид Молниеносный. Едва ли поэтическую параллель Кайсару представляет Гэсэр-хан (тибетский Кесар), герой бурятской эпопеи, зародившейся, по-видимому, в Тибете.

*** Мавераннахр (буквально: «то, что за рекою») — страна за Сырдарьей вплоть до Амударьи.

**** Узбеки (буквально: «сами господа») — название народа, населявшего страну Джете, т. е. Восточный Туркестан с включением Джунгарии и Семиречья.

Эпизод интересен легендарно-сказочными мотивами: 1) легендарно-агиографический сюжет, который, как увидим ниже, несколько в иной форме разработан в эпизоде с шейхом Куллялем; 2) сказочные детали: таинственный ключ, число «три», кутб-конюх, внезапная смерть кутба; 3) сравнение веры с городом; 4) историческая несообразность в вопросах о Руме и Кайсаре (см. дальше — *Рум и Кайсар*).

[Хазрет Убайдулла]

За меня стали молиться во всех мечетях* имамы**, стоящие на минбарах***, стали возносить молитвы сайиды, улемы и шейхи. Нашелся один недовольный отношением ко мне духовных лиц, хазрет**** Убайдулла, который громко сказал:

— Тимур — кровожадный турок, много народа он погубил, как можно молиться за него?!

Вскоре после этих слов Убайдулла видит сон — самого Мухаммеда и меня, стоящего рядом с ним. Убайдулла трижды поклонился Посланнику Аллаха, но тот не обратил на него внимания, совсем не ответил на его поклоны. Убайдулла, огорченный, обратился к Посланнику Аллаха со словами:

— О Посланник Аллаха! Я — служитель твоего шариата, а Тимур — кровопийца, истребивший бесчисленное множество людей, и его ты принимаешь, а меня отвергаешь?!

Посланник Аллаха ответил Убайдулле:

— Правда, по воле Тимура погибло и гибнет множество людей, но эту вину он вполне искупил глубоким почитанием сайидов; поэтому народ должен молиться за такого правителя.

После этих слов Посланника Аллаха Убайдулла проснулся; тотчас спешил ко мне просить прощения за неприятность, которую он причинил мне, не зная, кто я.

* *Мечеть*. Первая устроена в Медине, когда Мухаммед переселился туда из Мекки; ее назначение было служить местом для молитвы «правоверных», а также для собраний их общины; по образцу первой мединской стали устраиваться мечети в других центрах.

** *Имам* (буквально: «стоящий впереди») — духовный глава «правоверных», обязаный направлять их к точному исполнению законов веры, глава религиозной школы.

*** *Минбар* — возвышенное место в мечети.

**** *Хазрет* — почетный титул, прибавляемый к именам султанов, высших духовных лиц и т. д.

Весь народ быстро узнал про это; все убедились, что за меня следует возносить молитвы Аллаху. Подвластные мне люди говорили: «Да будет на нем милость Аллаха», поняв, что я пользуюсь особой его милостью. Я убедился, что Посланник Аллаха не отказывает мне в своем руководстве и помощи, и стал еще с большим уважением и заботливостью относиться к сайидам (потомкам Посланника).

В эпизоде с Убайдулой Тимур выведен не как искусный военачальник, тонкий стратег, хитрый и цепкий дипломат, а как очень своеобразный философ-моралист. В первый раз в «Автобиографии» (после трактата о справедливом и милостивом правителе, после размышлений о природе власти правителя) показаны отрицательные качества Тимура: он «кровожадный», он «убил много народа», «по его воле гибнет много людей», — вот голос оппозиционных духовных кругов, которые возглавлял хазрат Убайдулла.

Тимур не отрицает фактов своей «кровожадности», но хладнокровно компенсирует их фактами другого ряда: почтительным и внимательным отношением к потомкам Мухаммеда, сайидам; санкция этого «морального равновесия»дается «Автобиографией» обычным приемом — в форме вещего сна вождю оппозиции, хазрету Убайдулле.

Итак, моральная формула Тимура гласит: почтение к сайидам раз навсегда делает дозволительным, как бы слаживает в нравственном отношении истребление целых мириад людей.

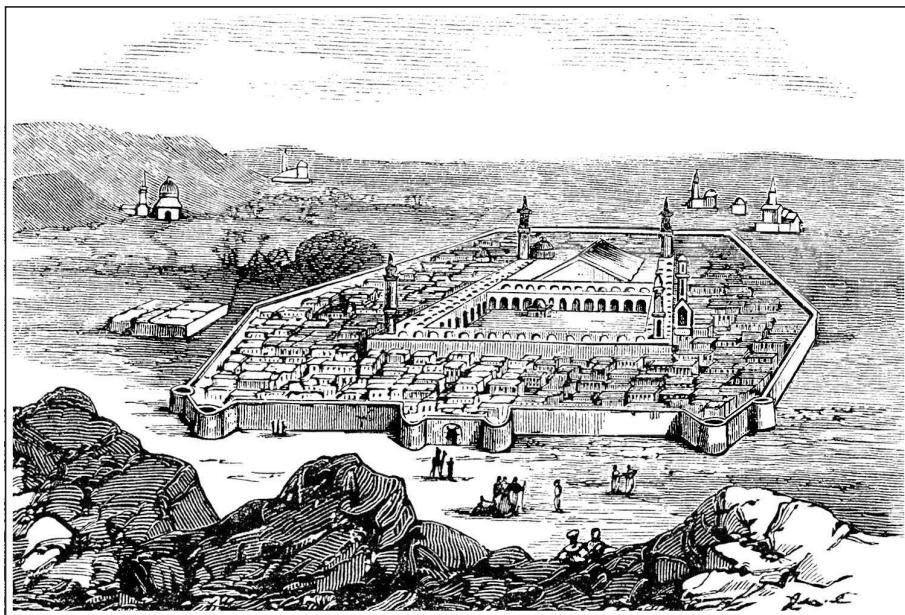
[Помощь Аллаха Тимуру]

В 800 году хиджры* я с четырехсоттысячной конницей двинулся к Эрзеруму. Я двигался по направлению к этому городу и внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг. Я скоро заметил, что со стороны Ирака приближается к моему войску большая толпа народа. Через час богадуры, охранявшие движение войска, сообщили мне, что со стороны Ирака виден отряд арабов; еще через час я получил новые вести: к моему поиску прибыл большой отряд бедуинов и сайидов из Кербеллы** и Неджефа***; во главе отряда стоял сайид Паттах, и перед ним несли

* 800 год хиджры (1398 г. н.э.) — дата, когда Тимур воевал в Северном Индустане, в области Дели, но не в Малой Азии — хронологическая ошибка автора «Автобиографии».

** Кербелла — священный город шиитов (отвергающих Сунну, т. е. книгу, где собраны предания о жизни Мухаммеда) в Ирак-уль-Арабе; в десятый день (так называемый «день Ашура») первого в году месяца мухаррема, в 61 году хиджры (680 г. н.э.) в битве под Кербеллой был убит Хусайн, сын Али, четвертого халифа «правого пути», и Фатимы, дочери Мухаммеда, т. е. внук самого Мухаммеда.

*** Неджеф — священный город шиитов в Ирак-уль-Арабе, где погребено тело сына Али, Хусайна. Шииты покровительствуют джехангиру так же, как и сунниты.



**Мечеть
Аль-Куба.**

Гравюра
XVIII в.

Аль-Куба — первая мечеть в исламском мире, самая старая мечеть Саудовской Аравии. Ее строительство близ Медины было начато самим пророком Мухаммедом в 622 г., а закончено его последователями.

белое знамя*. Я был рад прибытию таких подкреплений и думал о том, что, вероятно, эти люди пришли ко мне на помощь по воле Аллаха. Сайд Паттах приблизился ко мне и сказал: «Мне явился во сне четвертый халиф Али и приказал: “Доставь белое знамя брату моему Тимуру”».

Жители Неджефа сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь при осуществлении моего предприятия, как способ исполнить мое желание овладеть Эрзерумом. Я выслушал их, пал ниц и принес благодарность Аллаху; потом я велел записать это событие в «Историю [моих] подвигов».

Тем временем улемы, бывшие среди приближенных ко мне людей, нашли в Коране аят, который указывал, что

* Белое знамя («лива») — знак большой милости Мухаммеда к вождю, которому белое знамя посыпается или достается; оно — символ неприменимой победы над неверными.

Рум должен пасть в этом же году*; в это же время прибыл Инги-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово «победа» за хорошее предзнаменование и передал ему белое знамя. Он взглянул на белое знамя и начал битву.

Аллах и в другое время постоянно помогал мне; так, когда я собирался походом против столицы Рума, я пожелал узнать наперед, осуществится ли мое намерение. Я отправился на могилу шейха Ясави** и просил погадать мне***. Посредством гадания я узнал, что если во время войны мне будетгрозить опасность, мне стоит лишь прочитать одно четверостишие, и успех всегда будет мне обеспечен.

[Магическое четверостишие]

О могущий ночь темную в день ясный превратить,
А землю всю — в цветник благоухающий;
О могущий все трудное на свете белом сделать легким,—
Пошли мне помочь в предстоящем трудном деле:
на легкое всю трудность измени.

Я твердо запомнил четверостишие; во время боя с Кайсаром семьдесят раз прочитал его про себя и одержал блестящую победу.

Магическое четверостишие — фетишизм слов и ритма слов; прежняя, до-мухаммедовская поэзия арабов-бедуинов, орудие ядовитой сатиры, скептика, отрицания, после Мухаммеда покрывается густым слоем самой примитивной магии; в силу талисмана-четверостишья, автоматически повторяемого магическое число раз, слепо верит великий суевер Тимур. Четверостишие строго выдержано в стиле параллелистических антitez: ночь темная — день ясный; земля — цветник благоухающий: трудное — легкое, — и дает динамику раскрытия потенций, заложенных в магическом субъекте.

* Если под Румом здесь разуметь все-таки византийцев (греков), то, может быть, имеется в виду крайне неясный для толкователей Корана, допускающий многообразные комментарии, а потому и самое разнообразное применение, 1 аят XXX суры Корана: «Греки побеждены».

** В городе Туркестане находится древняя мечеть читимого «правоверными» святого казрета Ясави; в мечети — знамена и гробница Ясави; гробница — древний предмет паломничества со всех сторон Туркестана.

*** Гадание на могиле читимых шейхов — очень распространенный у «правоверных» пережиток старинной магии, сильный не только в низах общества, но и у самого джехангира, быть может, самого суеверного из всех окружавших и подвластных ему людей.

[Хакан Туклук-Тимур, потомок Чингисхана, приходит в Мавераннахр. По совету шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади Тимур подчиняется хакану]

Аллах оказал мне помочь и в 801 году [хиджры]*. Потомок Чингисхана, хакан Туклук-Тимур, двинул много воинов Джете для завоевания Мавераннахра и перешел у Ходжента Сайхун. Амиры Мавераннахра и Хаджи**-Барлас сильно испугались, переправились через Джайхун*** и искали спасения в бегстве в Хорасан****.

Я был в нерешимости: последовать ли общему примеру и спасаться бегством в Хорасан или добровольно присоединиться к войску хакана Туклук-Тимура?

Только одним путем я мог выйти из мучительного положения: попросить совета у моего уважаемого духовного руководителя, шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади; я немедленно написал ему письмо, в котором спрашивал как мне лучше всего поступить по отношению к хакану Туклук-Тимуру?

Шейх написал мне в ответ:

«Четвертый халиф Али привел такое изречение: «Если небо — лук, а судьба — стрелы, то стрелок — сам Аллах; куда убежишь [от него]?» «Присоединись к Туклук-Тимуру, потому что он — тень Аллаха».

Я понял ответ почтенного шейха так, что Аллах велит мне действовать заодно с хаканом Туклук-Тимуром, и поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу Сайхуна.

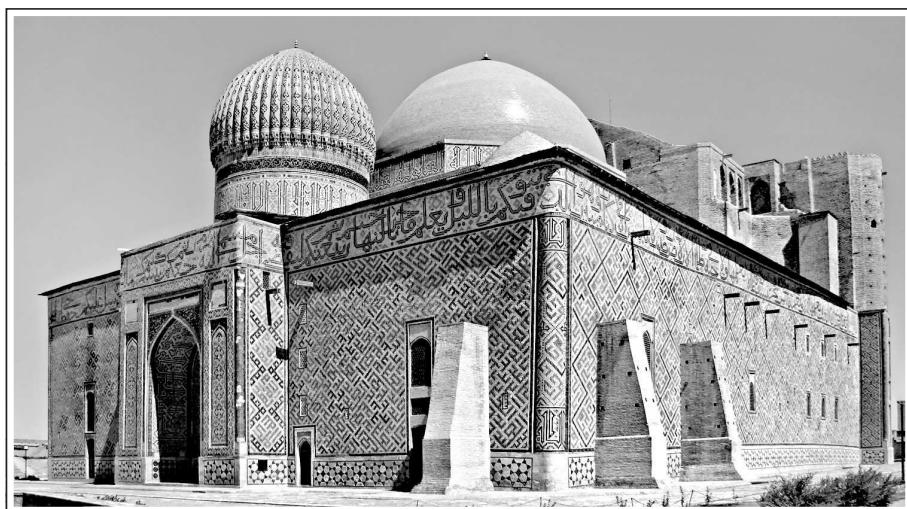
Ответ шейха построен на крайне интересном сравнении: Аллах — лучник (стрелок из лука), небо — лук, судьба — стрелы, выпущенные лучником из лука. Любопытны и форма сравнения, и его глубокий философский смысл. Форма сравнения взята у знакомого тогдашнему воину оружия; она и привычна, и очень наглядна; шейх знал, как лучше всего воздействовать на воображение

* Снова ошибочная хронология «Автобиографии» и спутанный порядок событий. В 801 году хиджры (1399 г. н. э.) не мог появиться в Мавераннахре для его завоевания давно умерший хакан Джете Туклук-Тимур; здесь перебежка, обычная в первой части «Автобиографии», от очень позднего события в жизни Тимура к очень раннему; по невнимательности автор позабыл передвинуть назад и хронологию; здесь, вероятнее всего, нужно читать 761 год хиджры (1360 г. н. э.).

** Всякий «правоверный», совершивший «хадж», священное паломничество в Мекку к Каабе (см. ниже Хадж), получал звание «хаджи» и пользовался правом носить чалму.

*** В оригинале «Автобиографии» стоит Сайхун (Сырдарья); конечно, по контексту нужно читать Джайхун (Амударья).

**** Хорасан — северо-восточная провинция Персии (Ирана).



Ходжа Ахмед Ясави (1103—1166) — поэт, один из первых суфийских мистиков тюркоязычного мира, оказавший значительное влияние на ислам. Небольшой мавзолей, в котором Ахмед Ясави был похоронен, разрушенный во время монгольских походов, Тamerлан распорядился отстроить. Строительство нового роскошного мавзолея началось в 1396 г., сразу же после победоносного похода против золотоордынского хана Тохтамыша, и позволило укрепить политический и религиозный авторитет Тамерлана среди кочевых племен.

**Мавзолей
Ходжи Ахмеда
Ясави в городе
Туркестане
(Казахстан).**

Современная
фотография

воина. Смысль сравнения заключен в попытке решить проблему взаимоотношений между высшим существом и судьбою; вопрос решен здесь иначе, чем, например, в античном мире, где судьба ставится над высшим существом, где Зевс лишь путем весов узнает волю Майры (судьбы); а тут, наоборот, Аллах посыпает судьбу, его воля и есть судьба. Здесь опять четвертый халиф Али ассоциируется с Тимуром, как его патрон и духовный руководитель, опять подчеркивается близость шиитов к Тимуру.

[Тимур подает советы хакану Туклук-Тимуру]

Хакан Туклук-Тимур был весьма доволен, что я добровольно присоединился к нему, и по воле Аллаха наградил меня полным доверием. Он во всяком деле совещался со мною и ни одного своего намерения не осуществил без

разговора со мною. Так, однажды Туклук-Тимуру дали знать, что его амиры в Кипчакской степи* подняли знамя бунта. Хакан спросил меня, как лучше поступить: самому ли идти на кипчаков и примерно их наказать или послать одних богадуров? Я подал ему совет:

— Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности; если пойдешь сам — одна опасность; умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум.

Другой раз хакан Туклук-Тимур просил моего совета по какому-то очень важному делу; я отвечал ему так:

— Твое величие подобно огромному шатру, который раскинут над всем Мавераннахром.

Столбы, которые поддерживают этот шатер,— справедливость; веревки, на которых покоятся крыша,— беспристрастие; колья, которыми укреплен шатер,—правда.

Поддерживай этими тремя качествами твоё величие, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер; всякий найдет спасение под сенью шатра, а бегущий прочь погибнет.

Шейхам, улемам и сайидам оказывай высокое уважение; ко всем людям, тебе подвластным, богатым и бедным, относись справедливо; хороших людей поощряй дарами, дурных старайся исправить наказанием; снабжай воинов всем необходимым, а слугам своим плати жалование исправно; пусть твой воин будет убит, но жалование его должно быть уплачено.

Однажды приближенные хакана Туклук-Тимура ограбили народ; пострадавшие принесли жалобу самому хакану. Туклук-Тимур обратился ко мне за советом, я ответил:

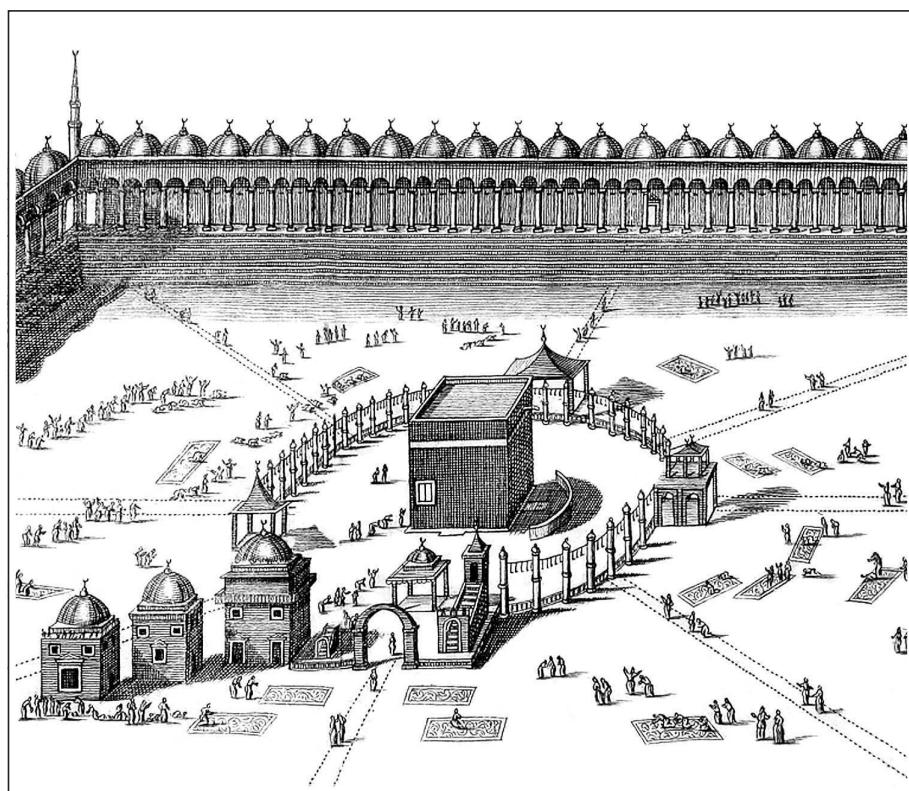
— У турок ум такой же узкий, как и глаза; чтобы добиться от них превратности, необходимо насытить их глаза и сердце.

Туклук-Тимур остался очень доволен моим советом.

Вскоре хакан отправился походом на кипчаков, сам предводительствуя своими воинами, а власть над Мавераннахром на время своей отлучки передал мне; он дал мне грамоту, в которой значилось, что хакан Туклук-Тимур отдал Мавераннахр брату своему Тимуру. Так было сделано, чтобы избежать притязаний со стороны врагов хакана Туклук-Тимура и междуусобий.

Однажды во сне явился мне Посланник Аллаха и сказал:

* Кипчакские улусы. Кипчаками писатели «правоверных» называли народ, известный нам под именем половцев; степи киргизские, уральские, приволжские и придонские носили название Дешти Кипчак.



— Тимур! Семьдесят твоих потомков* будут правителями в награду за то, что ты с большим уважением относился к моему потомству [сайдам].

Я запомнил этот сон.

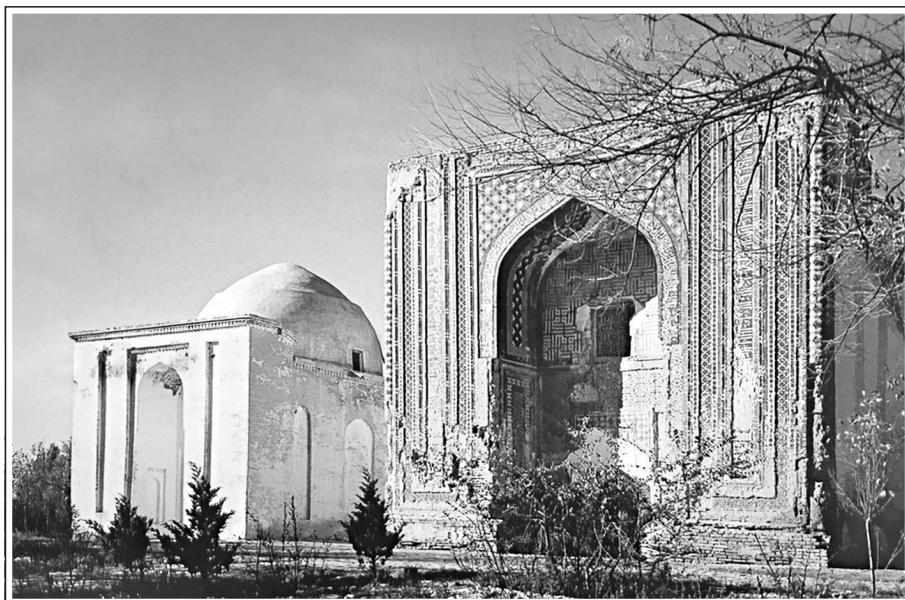
В 862 году [хиджры]** хакан Туклук-Тимур вернулся в Мавераннахр, заранее известив меня о своем прибытии. Я с большим торжеством встретил Туклук-Тимура.

Паломники
у Каабы
в Мекке.

Гравюра
XVIII в.

* Семьдесят потомков — «семьдесят», как мы видели, магически-сказочное число. Многочисленность потомства особенно почиталась арабами, а потом вообще «правоверными». Поэт Захеир (в книге «Столетники») говорит: «В нем соединялись знаменитость аристократа и самое большое число потомков в лоне его племени». Таким образом, Мухаммед обещает Тимуру самую почетную награду, какая только может выпасть на долю «правоверного».

** 862 год хиджры (1458 год н.э.), т. е. 53 года спустя после смерти Тимура,— явная ошибка; вероятно, нужно читать 752 год хиджры (1361 г. н.э.).



**Мазар
(гробница)
Туклук-
Тимура
в долине Или
(Китай).
Фотография
первой
четверти
XX в.**

Туклук-Тимур-хан (Тоглук-Тимур) (ок. 1329–1362/1363) – первый хан Моголистана (Могулистана), правитель Мавераннахра (1360–1362/1363). В 1346 г. амир племени дулат Пуладчи вскоре провозгласил правителем независимого ханства Моголистан – государства, образовавшегося на территории Восточного Казахстана и Киргизстана после распада Чагатайского улуса. В 1353 г. Тоглук-Тимур принял ислам, который стал господствующей религией Моголистана. Хан умер своей смертью зимой 1362/1363 гг. и был похоронен в мавзолее (мазаре) в Илийской долине.

Сравнения и притчи «премудрого советника» – доказательство политических талантов Тимура.

Первое «сравнение» основано на: 1) реальном образе «беды-опасности»; 2) апофеозе личной инициативы вождя и 3) количественной пропорции «бед-опасностей»; построено в форме своеобразного силлогизма, вывод из которого вытекает с железной необходимостью.

Вторая «притча» дает композицию идеальных качеств правителя в форме устройства шатра, хорошо знакомого всякому воину того времени; конкретные образы кольев, столбов и веревок, поддерживающих шатер, символизируют справедливость, беспристрастие и правду – все, чем должен обладать правитель, особенно больших масштабов; притча осложняется дальнеей темой о спасающихся под сенью шатра-государства и погибающих вне его и заканчивается рядом практических советов правителью,

как целесообразнее использовать для государственных задач духовенство, воинов и слуг, как поощрять (здесь социальная характеристика перебивается моральной) хороших людей и наказывать плохих.

Третье «сравнение» дает ехидную характеристику турок, у которых ум такой же узкий, как и глаза: чтобы получить их преданность, необходимо насытить у них и то и другое.

[Хакан Туклук-Тимур передает власть над Мавераннахром своему сыну, Ильяс-Ходже, а Тимура оставляет главным начальником своих воинов]

По возвращении в Мавераннахр хакан Туклук-Тимур, в нарушение данной мне грамоты, передал высшую власть над страной своему сыну Ильяс-Ходже*, а меня сделал главным амиром своих воинов. Такое унижение причинило мне большое горе: я был глубоко обижен, что у меня отняли власть и сделали только главным начальником воинов.

Туклук-Тимур узнал, что я очень недоволен его распоряжением, он позвал меня к себе и показал мне завещание предка моего, Качули-богадура**. На стальной доске*** было начертано, что наследование достоинства хана предоставлено потомству Кабыль-хана, а потомству Качули-богадура – наследование высшей власти над всеми воинами. Завещание требовало от представителей того и другого рода поддерживать друг друга и никогда не враждовать между собою из-за власти. Я убедился, что назначение меня главным амиром воинов осуществилось согласно с волею моих предков, и успокоился.

* Ходжа (буквально: «старик», «господин», «хозяин дома») – название сословия, ведущего происхождение от четырех халифов «правого пути» (от их детей, рожденных не дочерьми Мухаммеда, а другими женами).

** Качули-богадур, как видно из других генеалогий Тимура в той же «Автобиографии», был не дедом Тимура, а более отдаленным предком. Из других источников видно, что Тимур едва ли был в родстве с Чингисханом; вероятно, придворные генеалоги привязали искусственно джекангира Тимура к родословному древу другого джекангира – Чингисхана.

Генеалогия Тимура в передаче его отца, амира Тарагая, производит и Кабыль-хана, и Качули-богадура прямо от Ноя и сына его Яфеса.

*** Фиксация важнейших документов на досках и плитах из особо прочного материала (сталь, камень и т. п.) особенно свойственна древности и Средневековью; прочность материала соответствовала основной цели фиксации – сделать документ достоянием вечности.

[Ильяс-Ходжа у власти; бесчинства узбеков. Тимур самовольно укрощает узбеков и приобретает глубокую ненависть с их стороны]

Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя: ни амиры, ни узбеки не слушались его. Однажды жители Мавераннахра пожаловались мне, что узбеки требуют выдать им тысячу девушек. Я сказал об этом Ильяс-Ходже; он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили внимания на его распоряжение.

В это же время некоторые из сайидов Персии пожаловались, что узбеки схватили и увезли в плен семьдесят сайидов. Эта дерзость вывела меня из терпения: я быстро двинулся в погоню за узбеками и освободил сайидов из плена. Узбеки возненавидели меня; они послали ложный донос хакану Туклук-Тимуру, будто я намерен восстать против него и сделаться самостоятельным правителем. Хакан Туклук Тимур прислал грамоту с приказанием казнить меня за измену, грамота случайно попала в мои руки, и я принял все меры, чтобы спасти себя от совершенно незаслуженной казни.

[Письма шейха Зайн-эд-дина Абу-Бекра Тайабади Тимуру]

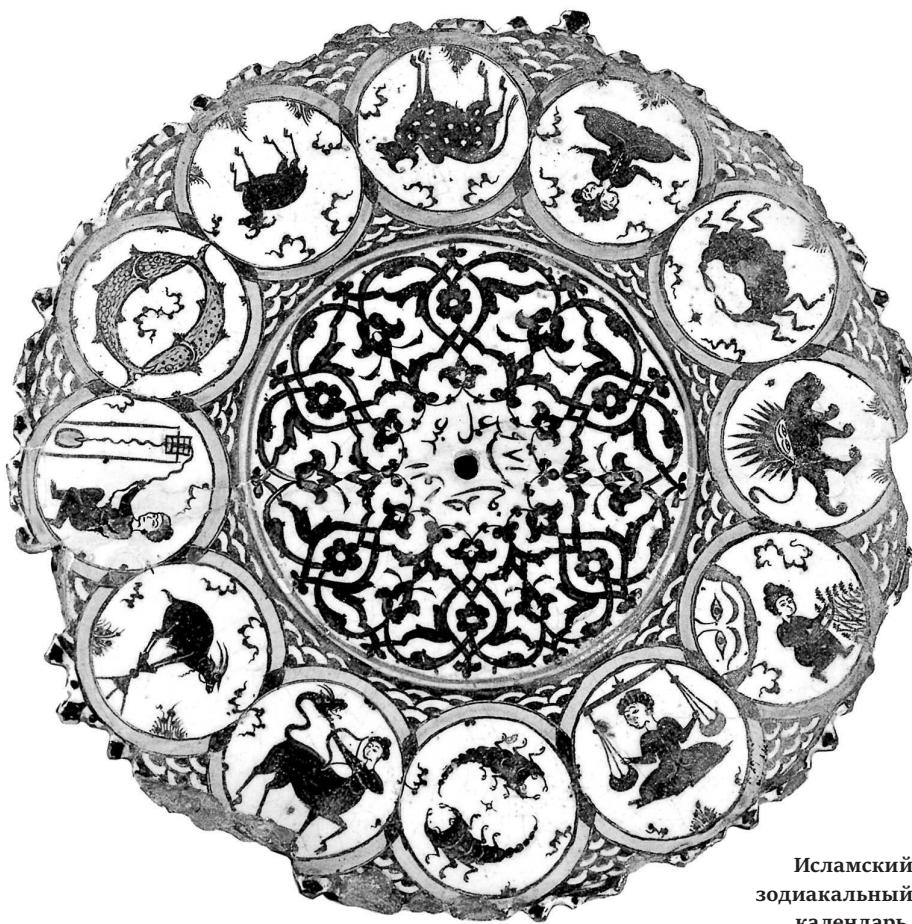
Как раз в это время явился мне во сне Посланник Аллаха и сказал, что в награду за освобождение из плена семидесяти сайидов семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я проснулся и немедленно написал о своем сне духовному покровителю, шейху Зайн-эд-дину Абу-Бекру Тайабади.

Старец вскорости прислал мне в ответ, что мой сон предвещает для меня бесчисленное множество побед в будущем. Шейх рассказал мне про случай с одной женщиной — матерью Сабук-Тагина*; ей было обещано, что ее потомки будут правителями только за то, что она спасла от смерти козу.

«Эта женщина спасла от смерти только козу,— писал мне шейх Зайн-эд-дин Абу-Бекр Тайабади,— а ты освободил из плена семьдесят сайидов,— ты можешь быть вполне уверен, что за такое великое дело тебя в будущем ожидает великая награда».

Вещий сон исполнился: еще при моей жизни шесть моих сыновей сделались правителями.

* Сабук-Тагин — султан (977—997 н.э.) города Газны в Афганистане, отец знаменитого султана Махмуда (998—1030).



Исламский
зодиакальный
календарь.
Иран. XVI в.

Вскоре я получил от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади другое письмо; в нем он писал, что Аллах поставил меня хранителем своего царства, а Посланник Аллаха вручил мне ключи от него.

Узбеки пылали враждой против меня, а от хакана Туклук-Тимура пришла еще одна грамота с приказанием убить меня; узбеки решили убить меня исподтишка и стали ждать удобного случая, чтобы покончить со мной.

Я стал опасаться измены со стороны окружавших меня амиров и под предлогом охоты выехал из Самарканда и укрылся на одном мазаре; я склонил голову на камень и крепко уснул; какая-то птица распостерла надо мной свои крылья и так прикрыла мою голову, что лучи солнца

нисколько не беспокоили меня. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик барабанов словами:

— Без бега* — ты бег.

Эти слова я принял за хорошее предзнаменование и отважился вернуться в Самарканд.

Толкование сновидений — одно из трех важнейших знаний, которыми обладали так называемые познающие арабы еще до Мухаммеда и которые остались ценным и после него: 1) знание генеалогий и исторических преданий (после Мухаммеда — хадисы); 2) толкование снов; особенно славился своими толкованиями первый халиф Абу-Бекр; 3) звездочетство и связанные с ним прорицания и пророчества (астрология). В «Автобиографии» широкой рукой разбросаны все три вида этих знаний. Шейх Зайн-эд-дин Абу-Бекр Тайабади к традиционному толкованию снов прибавляет еще магическую обязанность: раскрывать перед Тимуром его провиденциальное назначение на земле в качестве джехангира.

[Фетва жителей Самарканда Тимуру]

Я получил фетву** от знатных людей Самарканда:

«От насилий узбеков мир пришел в расстройство; уважаемые люди оскорблены; имущество правоверных разграблено.

Мы, факиры***, шейхи, сайды, решили как один подчиниться тебе, Тимур.

Если приложишь все силы и истребишь узбеков, мы все как один встанем за тебя.

Если же не защитишь нас от узбеков, то в день Страшного суда будем обвинять тебя перед Аллахом».

Я написал о фетве шейху Зайн-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ: старец приветствовал меня за честь, какую оказали мне сайды и улемы.

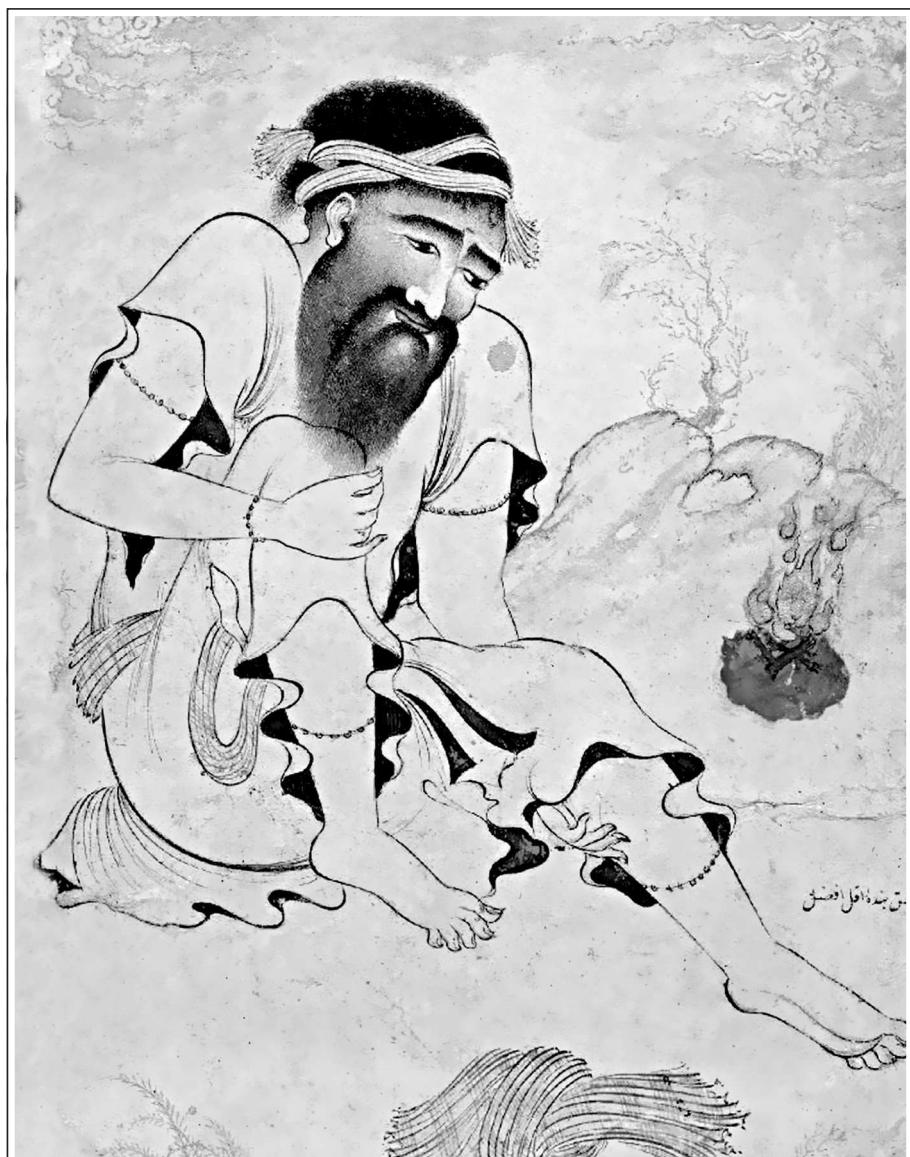
«Эта фетва — решающий довод, — писал шейх, — халифы правого пути**** одобряют твое назначение».

* Бег, бек, бий, бей — тюркское слово, значит: «государь, господин мой», употребляется для обозначения старшин рода, племени и феодалов средней руки.

** Фетва — мнение, заключение обязательного юридически-морального характера со стороны исламских законоведов.

*** Факиры (арабское *fukr*, персидское «дарвеш», откуда название «дервиши») — нищенствующие бродячие монахи «правоверных».

**** Четыре халифа «правого пути» — 1) Абу-Бекр, 2) Омар, 3) Отман, 4) Али.



Я понемногу стал собирать воинов и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому я мог бы открыть свою тайну; население Самарканда, правда, подчинялось мне, но я не решался поднять открыто знамя восстания. Моя тайна распространилась среди народа, узбеки узнали о грозившей им опасности и поспешили собраться в одно место.

Дервиш.
Персидский
рисунок
XVII в.



Пророк
Мухаммед
посещает Ад.
Персидская
миниатюра.
1436 г.

В это самое время я снова получил письмо от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади: он писал мне, что Посланник Аллаха пошлет мне помочь в задуманном мною деле. Это письмо принесло мне громадное успокоение.

В это время хакан Туклук-Тимур снова прислал грамоту с приказом казнить меня; поэтому святой амир Куляль дал мне совет — немедленно удалиться в Хорезм.

— Всегда следует отступать перед превосходящими силами и удаляться от врага, которого не можешь одолеть; так поступали пророки,— сказал мне амир Куляль.

Я пожелал узнать, что меня ожидает в пути, и загадал по Корану; мне открылся аят:

«Солнце течет к назначенному месту: такова воля Сильного, Знающего» (Коран, XXXVI сура, 38 аят).

Я понял, что путешествие мое обещает быть благополучным, и окончательно решил двинуться в дальний путь.

Страшный суд, или Последний суд, наполняет целый ряд сур Корана, является любимой и наиболее разработанной идеей ислама.

Вот наиболее важные в этом отношении места из Корана:
LXXXI сура, 1–14 аят:

1. Когда солнце согнется;

2. Когда звезды упадут;
3. Когда горы приведутся в движение;
4. Когда самки верблюдов будут оставлены;
5. Когда дикие звери соберутся толпами;
6. Когда моря закипят;
7. Когда души совокупятся;
8. Когда спросят заживо погребенную девушку;
9. За какое преступление ее заставили умереть;
10. Когда лист книги развернется;
11. Когда небеса отложатся в сторону;
12. Когда пламень ада помешают кочергою, чтобы лучше горел;
13. Когда рай приблизится;
14. Тогда всякая душа узнает сделанное ею дело.

LXXXIV сура, 1–15 аят:

1. Когда развернется небо;
2. Которое будет повиноваться Аллаху и постараётся исполнить его повеление;
3. Когда земля будет распростерта ровным пластом;
4. Когда она выбросит из недра своего все, что содержала и оставляла нетронутым;
5. Когда она будет повиноваться Аллаху и постараётся исполнить его повеления;
6. Тогда ты, о человек, желавший бы увидеть Аллаха своего, увидишь его.
7. Кому дадут книгу его дел в правую руку,
8. Тот будет сужден с кротостью;
9. Он, радуясь, возвратится в свое семейство.
10. Кому дадут книгу его дел назад к спине,
11. Будет призывать смерть,
12. Когда будет гореть в огне.
13. На земле он веселился среди своего семейства,
14. Он воображал, что никогда не явится перед Аллахом;
15. Но Аллах видел все.

[Четыре правила шейха Зайн-Эд-дина]

Перед отъездом я написал письмо шейху Зайн-Эд-дину Абу-Бекру Тайабади и в 864 году [хиджры]* с шестьюдесятью всадниками выехал из Самарканда в Хорезм**. На пути я получил такой ответ от шейха: «Тимур, усвой себе четыре правила.

Первое. Всякое путешествие совершай по примеру Посланника Аллаха, всякое дело начинай по благословению и с помощью Аллаха.

* 864 год хиджры, соответствующий 1460 году христианского летосчисления, очевидно неверен; здесь скорее нужно читать 764 год хиджры (1363 год н.э.).

** Хорезм — область Хивы.

Второе. В своих делах руководись всегда примером пророка Ибрахима*, наблюдай, чтобы во время твоего правления в подвластных тебе странах не совершалось прелюбодеяний или других тяжких преступлений.

По своей настойчивости не уступай аисту**. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка ни малейшего внимания; на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка.

Третье. Всякое дело, по примеру Посланника Аллаха, начинай, не иначе как посоветовавшись с другими людьми; были правители, которые всякое дело делали самовольно, не прося ни у кого совета; но было ли продолжительным величие таких правителей?

Четвертое. Следуй примеру четырех халифов правого пути; будь храбр, заботлив и щедр; всякое дело делай с особым вниманием. Следуй примеру птиц, которые с большим вниманием и осторожностью разбивают яйца, из которых вылупливаются цыплята».

[Путь из Самарканда в Хорасан]

Во время пути из Самарканда в Хорасан совершенно неожиданно ночью на меня напали тысяча всадников. Со своими шестьюдесятью богадурами я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этом кровопролитном бою. Потом у меня было единоборство с Тугуль-богадуром, и я одолел его: богадур раскаялся в том, что напал на меня.

Я отправился далее в Хорасан, но меня неожиданно захватил в плен хан Али-бег Джаны-Курбаны. Два месяца томился я в кишевшей паразитами темнице. Наконец мне удалось выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Я вооружился мечом, дерзко прошел мимо своих караульных: никто из них из страха не решился препятствовать мне дорогу. Прямо из темницы, вооруженный мечом, я пошел к хану Али-бегу Джаны-Курбаны. Как раз в это время хан получил письмо от своего брата, Мухаммед-бega Джаны-Курбаны. Он писал, что в случае, если Тимур посетит страну, подвластную Али-бегу, следует принять его с надлежащим почетом и уважением. Али-бег Джаны-Курбаны прочитал письмо, увидел меня

* Абраам (Ибрахим) — великий пророк «правоверных», поставленный имамом для народов (Коран, II сура, 118–119 аят); разбивший свой стан в Мекке (III сура, 89–91 аят); сокрушитель идолов (VI сура, 76, 83 аят).

** Примеры из жизни птиц как материал для сравнения, в четырех правилах шейха Зайн-эд-дина Абу-Бекра Тайабади. Птицы имеют магическое значение в Коране: «Мы гадали по полету птиц» (XXXVI сура, 17 аят); «Мы привязали к шее каждого человека птицу» (XVII сура, 14 аят), т. е. дали каждому человеку определенную судьбу.